

Илья Верховский
(Эли Бородэрл)

ЧЕЛОВЕЧКИНА РАДОСТЬ

медленные сказки

Мифическое издательство ГАЙАВАТА
рисунки автора

г. Ханты-Мансийск
2004-2010 гг.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ. Человечкина радость	3
РУЧЕЙКОВАЯ РАДУГА (ВЕСЕННИЕ СКАЗКИ)	4
Старик-Белочник и Белочный Гном	5
Щенок и Солнце	6
Сказка о подснежниковой весне	7
Песня Человека Задремавшей Птицы	8
Последняя сказка о Бельчонке-Времени	9
Доброе утро!	10
Иван и потерянная принцесса	11
Дракон и его брат	12
Человечек и лис (сон Экзюпери)	13
Самый интересный зверь на свете	14
Сороконожка и сверкающий мир	15
ОДУВАНЧИКОВЫЕ ОЗЁРА (ЛЕТНИЕ СКАЗКИ)	16
Как называются цветы	17
Волшебная Зарядка, или сказка о нетелефонном разговоре	18
Чай Говорящих Трав	20
Йок	21
Разноцветное кино мира (глаза-небо)	22
Сказка о волшебном дереве и мальчике-птице	23
Воронёнок-драматург, или Куда уплывают кораблики	25
Старик и ящерка	27
Белые белки, рыжие рыжики и прочие голубые голуби	28
Солнечный зайчик, лунный зайчик...	29
Слова, играющие в прятки	31
Василий Кориандрович Лопухер (рассказ деревянного слонёнка)	32
ЗОЛОТИНОЧЬЕ ЗАЗЕРКАЛЬЕ (ОСЕННИЕ СКАЗКИ)	33
Дождик и воробей	34
Лунные человечки паучонка Григория	35
Осенняя карусель листьев	37
Бельчонок на берёзе	38
О волшебных яблоках с мёдом	41
Пони и паучонок. Дранико-пончиковый вечер.	43
Пони и паучонок. Мандариновое утро.	44
Концерт для Дождиковой Королевы	45
Про котёнка Джимку	47
Штурман Жорж, или История игрушечного обезьянёнка	48
Возвращение штурмана Жоржа, или Фабрика сквозняковых песенок	50
БЕЛАЯ БРУСНИКА (ЗИМНИЕ СКАЗКИ)	55
Танцующий человечек	56
Сказка про Белоснежных Птиц Снежинок	57
Сказка об огорчённом телефоне	59
Миндальный снег (воробьиная сказка)	60
Сказка про беленькую белку Наташу и Гнесинный Лес	61
Пиктопеле и его демон. Сказка белки Веверкелэ	64
Крокодил с полу-моим именем (история одного сна)	66
Сказка о лебедином ёжике	68
Собачонок и море	69
Про существо в мохнатой шубе и птицу	71
Половинка мандаринового солнышка (новогодняя сказка)	72
СОРОЧЬИ СТРОЧКИ (ИЛЮШКИНЫ ИСТОРИИ)	73
Эти волшебные Аппалачи	74
Гитарист и Мальчишка (последний блюз этой ночи)	77
Город Заброшин	79
Несказка о сбежавшем детстве	80
Стёпин Вольф	82
Папа! Они летят...	83
Кедровый гостинец. Несказка о добром Лесе	84
Как я стал взрослым, или льдинка за шиворотом	86
Ода ночной кухне	87
Памяти искры. Не доиграли	88
Когда деревья были большими	88
Рэй Брэдбери устами младенца	89
Вести Белого Мира	90

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ. Человечкина радость

Воздушный змей взлетел в полночное небо, и на секунду человечку показалось, что змей смешно взмахивает невесть откуда взявшимися ногами и руками, будто старается его рассмешить. И человечек улыбнулся. Ну как здесь не улыбнуться? А ночь, похожая на чёрное махровое одеяло, расшитое птицами и звёздами - подняла свой краешек - и стало светлее. Змей медленно опустился человечку на колени. И превратился в маленькую голубую саламандру с любопытно поблёскивающими глазками-бисеринками. Человечек погладил её по спине. Спина неожиданно оказалась пушистой, как у котёнка.

-Ты кто? - удивлённо спросил человечек.

-Я... твоя радость, - улыбнувшись, промурлыкала ящерка.

-Ты больше от меня не сбегай, ладно? - попросил человечек.

-Муррр... - свернувшись калачиком, ответила ящерка.

***РУЧЕЙКОВАЯ РАДУГА
(ВЕСЕННИЕ СКАЗКИ)***

Старик-Белочник и Белочный Гном

-А я вчера утром был в лесу. Потому что весна.

-В лесу? Здорово! Кого там видел? Видел... барсучонка?

-Барсучонка? Нет, не видел.

-А кого видел? Может, чернбурого ежа?

-Н-нет. Я видел белок.

-Ого! А что они там делали?

-Ты не поверишь, они играли в хоккей. Хвостами гоняли друг другу кедровые шишки.

Одна белка была побольше, с тёмным длинным хвостом, а другая – маленькая, рыжая. Это, наверное, белка-папа и бельчонок-сын.

-Как мы?

-Да. Как мы. Только они прыгают как стремительные меховые молнии. А мы с тобой так не умеем.

-Научимся! А они – белки твои... беличий народ – где живут?

-А вот это правда странно. Вообще-то я думал, что на деревьях. Но как же они там спят? Но потом, кажется, понял. Я как-то зашёл в лес вечером, прошёл от опушки недалеко, и увидел... Знаешь, наверное, это и была беличья избушка.

-Избушка?

-Да. Из светлых сосновых брёвен. Сруб, аккуратный-аккуратный. Только мне по пояс. И без крыши. Вот подумай сам – люди в такой избушке жить не будут. Медведь не поместится. Барсучонок лучше с мамой в норе устроится. Вот по всему и выходит, что это беличья избушка. Белки туда забираются, ложатся рядом друг с другом, чтобы было тепло. И на звёзды смотрят. Потому и крыши нет.

-А кто им эти избушки строит?

-Я думаю – белочные гномы. Построят избушку и дальше идут по лесу. Где увидят бездомных белок – ещё выстроят. И снова – в путь.

-Здорово! А ты мне покажешь как-нибудь такую белочную избушку?

-Покажу, конечно. Если хочешь – в воскресенье пойдём в Долину Ручьёв, и её отыщем.

-Ага. А я им принесу конфет. «Белочка»... А, знаешь, папа... Я придумал. У тебя теперь будет специальное лесное имя. Будто от белочных гномов.

-Какое имя?

-А вот какое. Ты – СТАРИК-БЕЛОЧНИК.

-Уж так прямо и старик?

-А у кого борода? У кого борода – тот и старик. Сказочный только. А у кого белки друзья – тот старик белочный. Белочник.

-А ты будешь моим белочным внуком?

-Нет. Я буду белочным гномом. Буду строить всем бездомным светлые избушки. Невидимые. Чтобы вместе лежать, чтобы – тепло и чтобы смотреть на звёзды. И тогда у каждого в душе будет искорка.

И будет светло.

Щенок и Солнце

Зима была белая. Белые улицы, белые деревья, белые дома, белые овраги. И белое снежное небо. Щенок родился в сентябре. Он помнил только серый мир: серый дождь, серые улицы, серые деревья, серые машины, угрюмо проезжающие по его родной улице Патриса Лумумбы. И когда всё стало белым – он обрадовался. Бегал по снегу, нюхал его, лизал, кусал. Иногда в снегу можно было найти булку или старую кость. Тогда собачонок снова радовался. Прыгал, устраивал вечера собачьих танцев под белой луной – и улыбался белому снежному небу.

А по воскресеньям – щенок прибежал на лыжную базу. Было интересно смотреть, как человеческие щенята – в цветных куртках, шапках с помпончиками, вязаных варежках на передних лапах – вставляли на две дощечки с загнутыми впереди носами, хватали лапами две блестящие гладкие ветки и скользили по белому пространству. А щенок лежал в овраге и наблюдал. Раньше он выбегал и пытался играть с ними, но потом понял, что он им мешает. А щенок не любил никому мешать. Он любил, чтобы было интересно.

Однажды, лёжа на своём наблюдательном пункте, – он заснул. И ему приснились огромные солнечные глаза, которые смотрели прямо на него. «Вы... кто?» – спросил он. Глаза не ответили, только улыбнулись тёплыми лучиками. И через секунду щенок почувствовал, как огромный солнечный язык облизнул ему мордочку. И он вспомнил что-то очень-очень важное, но что именно – так и не понял. И вдруг увидел вокруг себя совсем другой мир – зелёный, солнечный, щелестящий, праздничный. «Сынок! – услышал он мягкий и добрый голос, роднее которого не было в целом свете. – Скоро весна! Придёт весна, погляди на небо – увидишь Лучистую Жёлтую Собаку. Это я, сынок. Я теперь буду с тобою. Всегда».

Щенок проснулся оттого, что ему показалось – кто-то ласково погладил его по голове. Он оглянулся – никого. Только человечьи щенята смешно скользили на своих дощечках по снегу.

Зима была белая. Белые улицы, белые деревья, белые дома, белые овраги.

Сказка о подснежниковой весне

-Весна! – восторженно возопил ёж, и простёр к небу лапки. – Время любить! Время свершать священные безумства! Дарить всем встречным нежные синие цветы!

-Ё-жик! Ку-ку! – сказал заяц, укутываясь в свою шубу потеплей, и закуривая старую ясеневую трубку. – Какая весна? Минус двадцать семь! Конечно, после трёх недель морозов под сорок – это почти курорт... Но – минус! Двадцать! Семь! Какие тебе цветы? У нас по всему лесу – только ёлки. И палки ещё.

-Нежные синие цветы подснежники! – нараспев проговорил ёжик. – Они потому что растут под снегом! Их надо откопать! И подарить всем встречным! И поперечным! О, дайте, дайте мне лопату!

-Лопату ему! – пробурчал заяц. – Может, тебе ещё и грабли дать?

-Грабли... – растерянно повторил ёж. – Зачем мне грабли? Я что, грабитель? Нет, мне нужна лопата. И старый пень. Я буду раскапывать нежные синие цветы.

-Ну и бери свою лопату! – махнув лапой, сказал заяц. – Там, в сарайке, в правом углу.

-Спасибо, заяц! – радостно прошептал ёж. – Я пойду. Я тебе первому принесу синий цветок. Ты ведь в душе романтик.

Пришёл вечер. Ёж с лопатой что-то колдовал у старого пня. Пыхтел, бурчал, насвистывал.

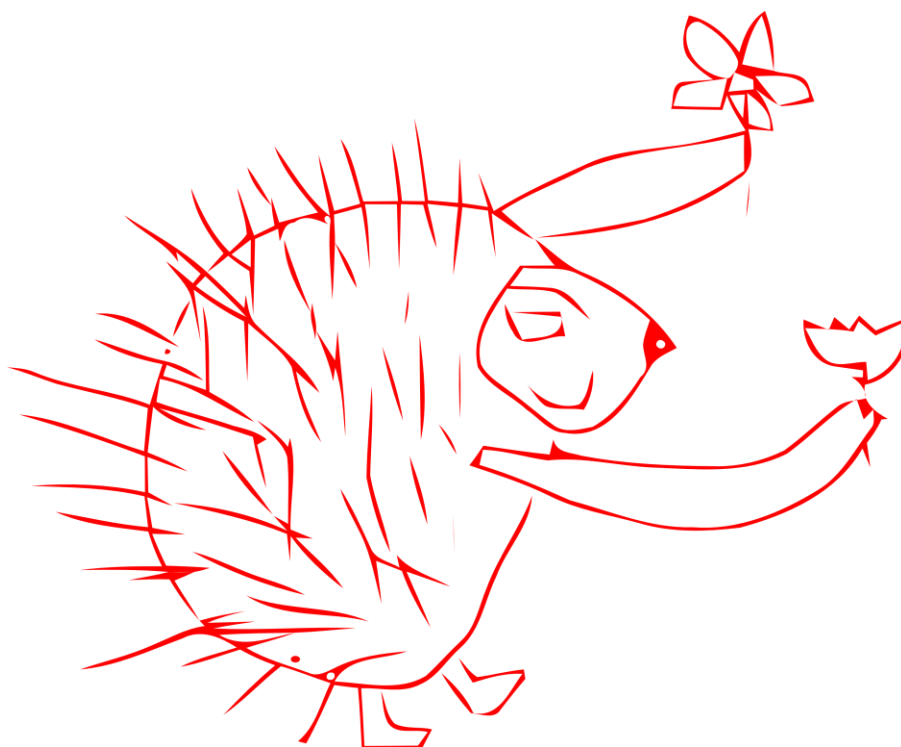
Вдруг на весь лес раздался его удивлённый и радостный крик:

-Ур-р-ра! Здра-а-в-ству-у-уй-те!

И вечер наполнился нежным синим светом.

Стало тепло и светло.

Пришла весна.

Песня Человека Задремавшей Птицы

На берегу весенней реки сидел человек. Похожий на задремавшую птицу. С поднятым воротником старой лётной кожаной куртки. Но человек не спал. Он смотрел. Река была небольшая. Не Обь и не Волга. Скорее – Вогулка. Или Иордан. На неё было хорошо смотреть. Она – текла. Спокойно, ровно, неукротимо и светло. Как незастывшая музыка. А человек слушал эту музыку, и внутри у него всё пело вместе с ней. Песню, где было много всего – и тревога, и лучи радости, и беспросветные отсветы тёмных клочьев тоски, и тихое чудо звезд, рассыпанных по небу и человеческим глазам. Там, внутри, в песне – был целый огромный, живой, смеющийся и плачущий мир. Как сказано: «Каждый человек – подобен целой Вселенной».

Человек сидел. Курил. Улыбался. Иногда горько вздыхал. Похожий на задремавшую птицу.

Вдруг он увидел большое мохнатое существо с длинным носом и диковинными ногами, похожими на суковатые палки. Существо остановилось перед ним и с удивлением его разглядывало.

-Добрых всевох! Вы кто? – спросил человек.

-Я? Здрасте-здрасте-привет! Я – задремавшая птица вообще-то. Ну, то есть, уже раздремавшая...ся обратно. Слышу, тут кто-то песни поёт. Дай, думаю, посмотрю-послушаю. Вышла – гляжу – ой-ой! – и тут задремавшая птица сидит. А я-то тогда кто?

-А... кто? Таёжный страус?

-Нет, не страус. Я – птица особая. Ис-ко-паемая. Но я-то птица. А ты почему на птицу похож?

-Да нет... вроде совсем непохоже...

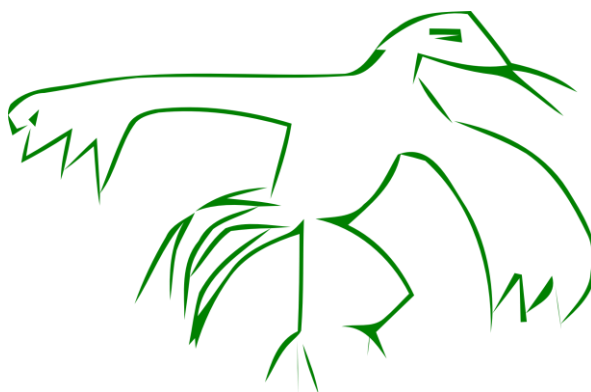
-Ага. Непохожа... свинья на ёжа. Что я, своих, что ли не чую? Тебя как зовут?

-Не знаю... Человек, наверное.

-Очень приятно. А меня – Фэйгелэ. Ис-ко-паемая птица Фэйгелэ. Никакой ты не человек. Тебя на самом деле зовут Задремавшая Птица. Всё. Давай уже.

-Что давать? Ну вот, у меня сигареты есть... и шоколад ещё. «Аэрофлот» называется. Вы, Фэйгелэ, кушаете шоколад?

-Ой, поросёнок ты... свинух, – чуть склонив голову набок, молвила странная птица. И – ласково погладила человека крылом по голове. – Истинный свинух, Господи. Не надо мне шоколада. Давай твою песню петь. Вместе.

Последняя сказка о Бельчонке–Времени

Время жило в старых часах. Оно не очень хорошо знало, кто оно такое, у него не было ни глаз, ни ушей, и оно никогда не видело мира. Оно просто шло, всегда оставаясь на месте. Просто пело свою вечную песенку: «Тик-так, тик-так...», и, иногда, когда наступало двенадцать часов, бимкало: «Бим-бом!». И всё. Вот такая у него была жизнь.

Но однажды Времени приснился сон. И там, во сне – оно прыгало по высоким веткам, протянутым в голубое небо, щёлкало вкусные-превкусные кедровые орехи, глядело на удивительное лесное царство и слушало стрёкот сорок. «Ой! – спросило Время неизвестно у кого. – А... кто я?». И неизвестно кто ответил: «Ты? Бельчонок».

Так Время стало бельчонком.

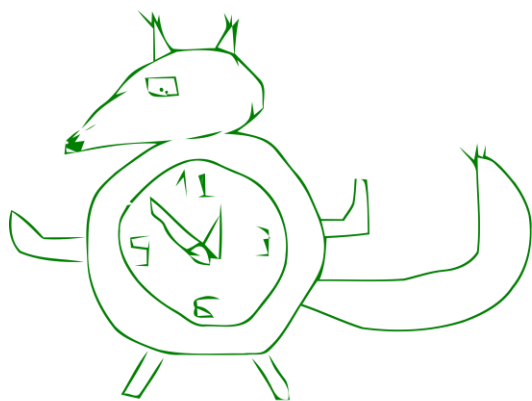
Бельчонком быть хорошо. Можно махать хвостом. И лапками. А ещё бросаться шишками в сорочат. Чтобы сорочата потом шишками обратно бросались. Ну, так, понарошку. А что? Ведь играют же дети в снежки? А бельчонку с сорочатами отчего не поиграть? В "шишки"! Вот и замечательно.

А ещё можно на поляне белый гриб отыскать. Поливать его росой специального предрассветного разлива. И тогда у него вырастут глаза, нос, рот и борода. И он будет Грибным Стариком. И с тобой, Бельчонок, подружится. Будет рассказывать подземные сказки, истории из грибной жизни и предсказывать будущее. Да, да, ведь и у Бельчонка-Времени есть будущее. И он тоже хочет его знать.

А по субботам я буду приносить вам на поляну брусничный пирог. Чай - с вас!

Ну всё, а теперь - спать! Слышишь, - звезды уже удивлённо прислушиваются - что там за шум? Кому плохо? Кого в чёрное одеяло закутали?

Никаких одеял. Вот тебе лунный плед.

Доброе утро!

Утро. Солнце уже протёрло сонные глаза, улыбнулось и отправилось в свое медленное лучистое путешествие по прозрачно-синему небу. На черепичной крыше, нарядной от ласкового солнечного света, сидит маленький сорочонок, и растопыбив крылья, старательно и пронзительно выговаривает:

-Д-ррррраааааа! Б-рррраааааааа!

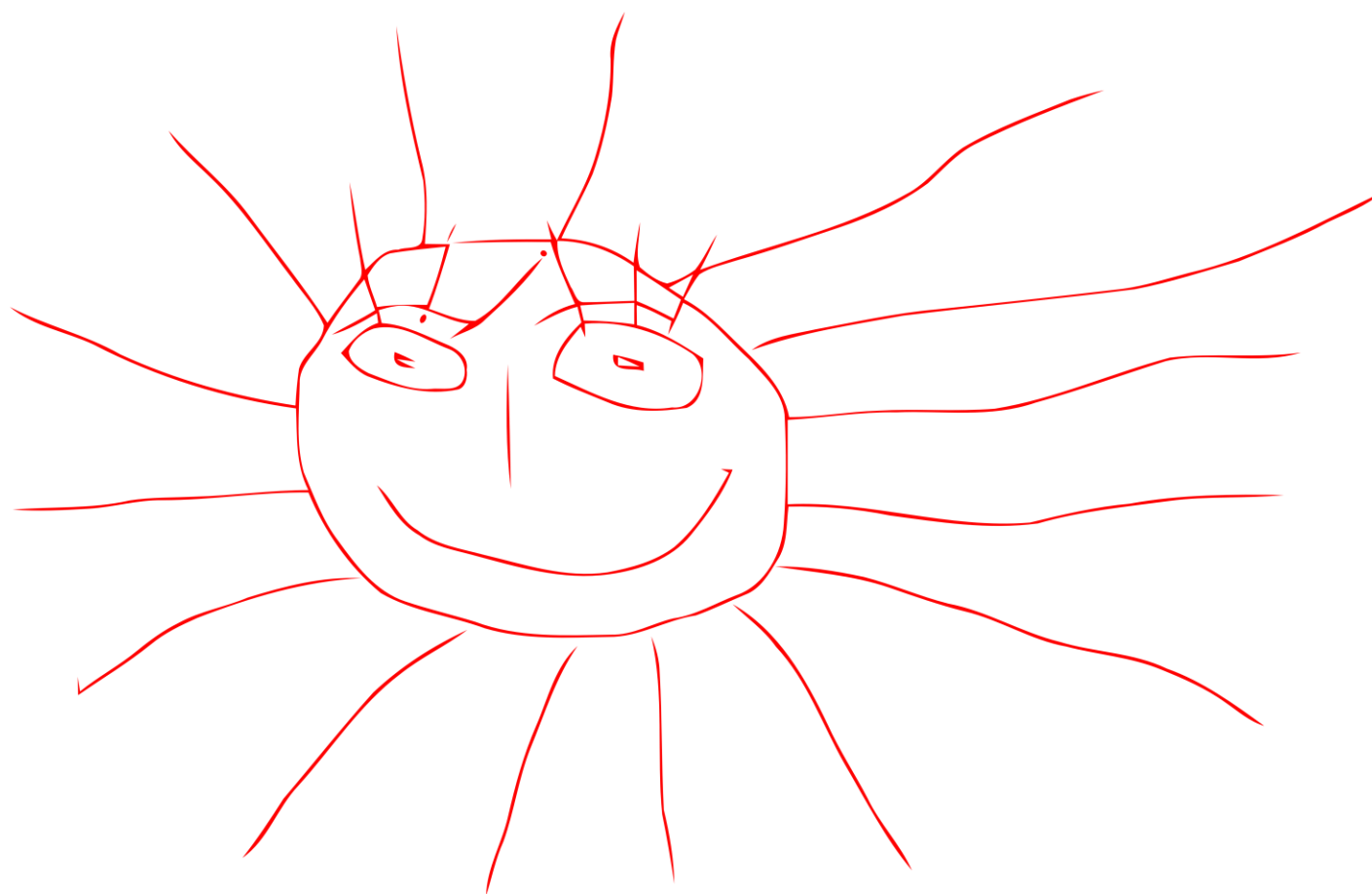
К-ррррррааааа!!!

Старая, нахмуренная сорока недовольно выглянула из-за красной кирпичной трубы с флюгером:

-Хулиган! Ты чего это тут вопишь???!!!

- Я... Я не вопю... Не воплю.... Я - здоррррррррроваюсь!!!!!!!!!! Миррррррр!!!

Доббббрррррое утрррррррррррра!!!

Иван и потерянная принцесса

Иван пристроился у корней старого кедра и стал слушать сумрак. Вечер плавно переходил в ночь; снег, кружась и падая на лапы сосен, еле слышно звенел. Луна, похожая на жёлтую бродячую жемчужину, вдруг хитро подмигнула ему.

-Ой! А ты - кто? – шёпотом спросил Иван.

-Я? Луна. Будто не знаешь, – ответила Луна и засмеялась. Горсть почти невидимых лучей пронеслась по небу и – в мире стало чуть-чуть светлее.

-А у тебя разве есть глаза и рот? Как ты мне подмигиваешь, улыбаешься? – удивлённо спросил Иван.

-У меня ещё и нос есть, – добродушно ответила луна, и тут же забавно шмыгнула носом. – И уши! Когда сильный ветер – они даже развеваются. Как лунные лопухи. Или флаги!

-Ты разве не планета? Нам в школе говорили, что ты... вспомнил... ты – спутник! – обрадовался Иван.

-Ты не путаешь? Спутник – это такой железный шар. Летающий. Его русские запустили в 1957-м. Вообще-то он мой троюродный брат. Потому что тоже шар. Только он всё время спит. И летает во сне, – задумчиво сказала Луна.

-Я тоже! Летаю во сне... Я, что, тоже твой брат? – удивлённо и радостно спросил Иван.

-Ну... Наверное. Ты – лесной бельчонок. Сидишь себе у корня старого кедра, свернулся в пушистый шар. И летаешь во сне... Брат. Братишка...

-А... тебя как зовут? – спросил братишка, растопылив глаза-бусины.

-По-разному зовут, – вздохнула Луна. – Кто – небесным телом. Хотя какое у меня тело? Кто – жёлтым фонарём. Кто – головкой сыра. Верхнего Мира... А я – просто потерянная принцесса. Зовут меня Лена. Гуляю себе по небу ночами. Устраиваю весёлые звёздные ярмарки. Слушаю сказки и песни сказочников – и на небе и на земле. И в совсем иных мирах, о которых никто ничего не знает.

-А... кто тебя потерял? – грустно улыбнулся принцессе Иван.

-Ой... Хороший вопрос... братишка. Может быть, ты? – засмеялась Луна, на миг превратившаяся в золотоволосую девушку, весёлую и синеглазую.

-Я... Я тебя обязательно найду, принцесса Лена... – пробормотал бельчонок, засыпая.

.....

Через несколько минут в дальнем углу леса раздался стрёкот случайной сороки.

Бельчонок проснулся. Поднял уши, вслушиваясь в ночь. И услышал... Но не сороку.

Где-то далеко-далеко, за горизонтом, а может быть, в иных мирах, о которых не знает никто, звенела тихая и прекрасная, похожая на мотив старой шарманки, песня весёлой звёздной ярмарки.

Иван улыбался.

А над ним звёздно мерцало медленное небо.

Дракон и его брат

Однажды весной дракону приснился он сам. Весёлый такой, взъерошенный. Размахивал крыльями в разные стороны, словно приглашал играть вместе в какую-то очень странную, но необыкновенно интересную игру. Пел удивительные песни на незнакомом, но всё-таки чуточку знакомом языке. Звал за собой в далёкую, совсем другую страну, которой, может быть, и не бывает вовсе.

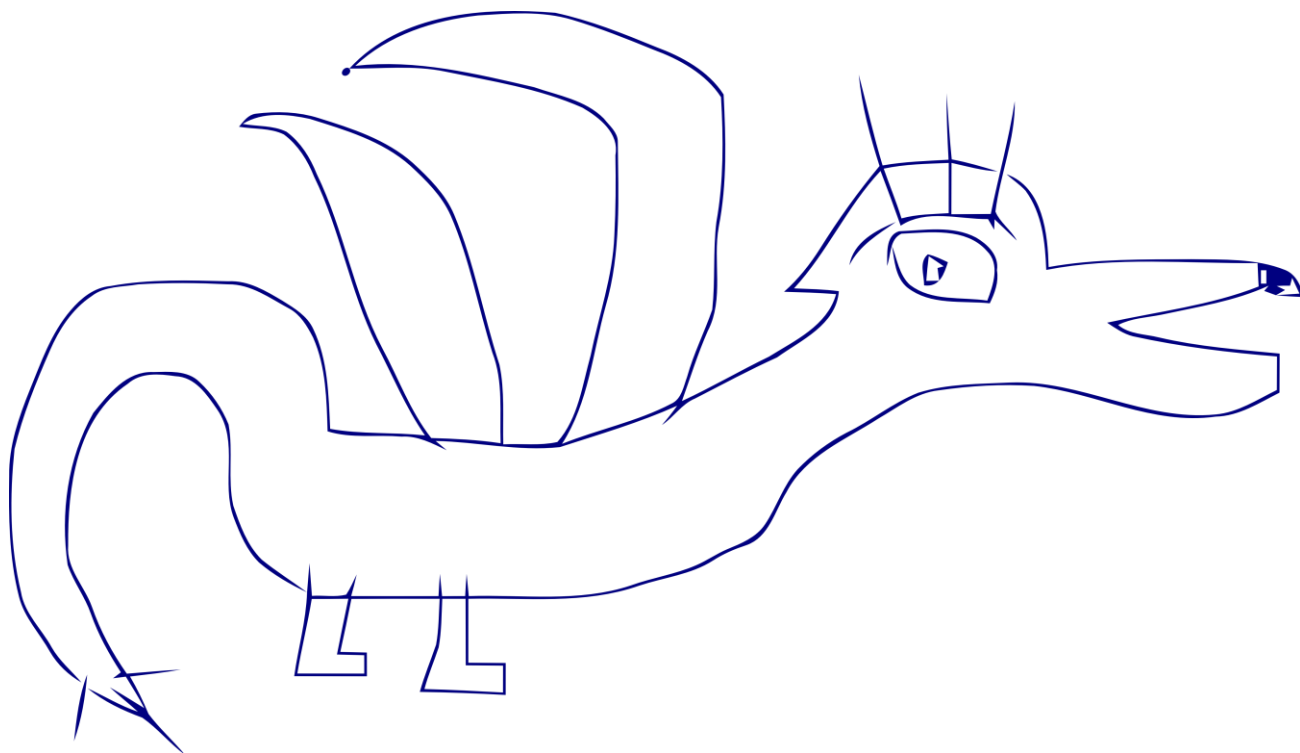
Сон дракону очень понравился. Вообще-то дракон не знал, что мы с вами называем его именно так, и очень бы удивился, услышав, что он – дракон. Почему такое имя? Он никогда не бывал в драке - ему совсем не нравилось, когда кто-то кого-то в мире обижает и бьёт. И он никогда не видел коня. Решительно непонятно!

Так кто же он – тот, кто ему приснился? Такой весёлый, смешной, стёпка-растрёпка...

И он подумал, что это, наверное, его брат. Откуда-то из другого мира.

И теперь они будут ходить друг другу в гости.

Когда сны.

Человечек и лис (сон Экзюпери)

Человечек жил на планете совсем один. Он сам не знал, откуда здесь появился, - сколько он себя помнил, он всё время жил на своей планете. Человечек был маленький, и планета тоже была маленькой.

Однажды звёздным ветром на планету занесло странный предмет, что-то вроде маленького квадрата, только объёмного. И с тонкими шелестящими листочками, по которым разбегались непонятные чёрные узоры. На самом первом листочке была картинка: одетый в расшитый звёздами плащ мальчик - идёт по маленькой планете и машет рукой улыбающемуся лисёнку.

Однажды человечку приснилось слово «книга», и теперь он знал, как называть эту чудесную вещь. Человечек часто листал её, но не понимал, что значат эти россыпи маленьких чёрных иероглифов. А лисёнка на картинке он про себя называл - «мой друг», хотя и не знал, что такое друг. Когда он долго-долго смотрел на картинку, ему казалось, что, может быть, вдруг она когда-нибудь оживёт. И тихо радовался этому.

Однажды под утро, когда звёздные ветерки уже кружились в задумчивом танце прощания, человечек услышал за левым плечом добрый и ласковый голос:

-Это же Маленький Принц! Здравствуй, малыш!

Он с удивлением обернулся:

-Ой! Извините, а вы кто?!

И услышал в ответ:

-Я - твой лисёнок. Ты же сам меня позвал. Помнишь?

-Теперь мы будем жить на планете вдвоём? - спросил человечек, и тёплая река какой-то необыкновенной, лучистой и взъерошенной радости обняла его со всех сторон. - Тогда знаешь что? Пойдём гулять. Я тебе покажу мою... Нет, не мою.

Нашу с тобой планету.

Самый интересный зверь на свете

Пришёл однажды хомячок в гости к зайчику. Зайчик его и спрашивает:

-У тебя какие любимые звери?

Хомячок отвечает:

-У меня - бобры!

-А почему?

-Потому что бобры - добры!

-Понял, - сказал зайчик. - А у меня знаешь какие?

-Какие?

-Козлы!

-Почему? -удивился хомячок.

-Потому что они - злы!!! - завопил зайчик и попытался страшно ощериться.

Он в последнее время очень хотел казаться загадочным. Как французский поэт Шарль Бодлер.

-Уф-ф-ф... Какие же вы дураки! - прошелестела бабочка, сидевшая на занавеске. - Самый интересный зверь на свете - это игуана.

-Почему??? - обиженным хором взыли зайчик с хомячком.

-Почему-почему... - чуть печально вздохнула бабочка. - У неё глаза красивые.

Сорочонок и сверкающий мир

Сорочонок шагал из школы. Ранец за его плечами раскачивался в такт его прыгающим шагам, и радостно позвякивал чем-то, напоминающим колокольчик. Сорочонок глядел по сторонам, и светился изнутри. Мир был похож на старинное китайское блюдо, которое ему когда-то показывала Бабушка-Сорока. Только – лучше. Мир был праздничный, сверкающий, умытый. И Сорочонок шагал и улыбался, как умеют улыбаться лишь дети.

Смело, светло и доверчиво. Миру, небу, лужам, случайным небесным пушистым медвежатам-облакам, ослепительно синим василькам на поляне.

Потому что весна. Ласково переходящая в лето....

ОДУВАНЧИКОВЫЕ ОЗЁРА
(ЛЕТНИЕ СКАЗКИ)

Как называются цветы

Ты идёшь по полю. Широкое поле, за ним лес. И к тебе тянут свои любопытные головки цветы. Вот синий цветок. Он улыбается и похож на озорного гнома Васю. Ты ласково гладишь его по синей шляпе и говоришь: "Василёк!". А он в ответ мурлычет, как котёнок.

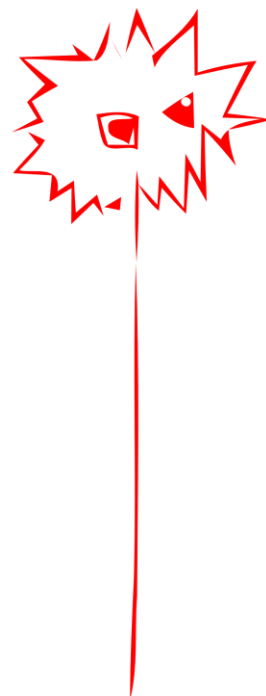
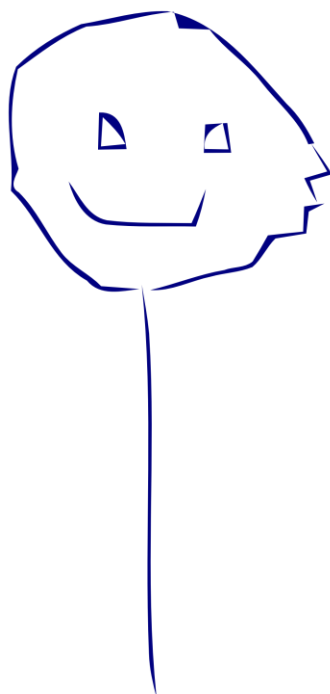
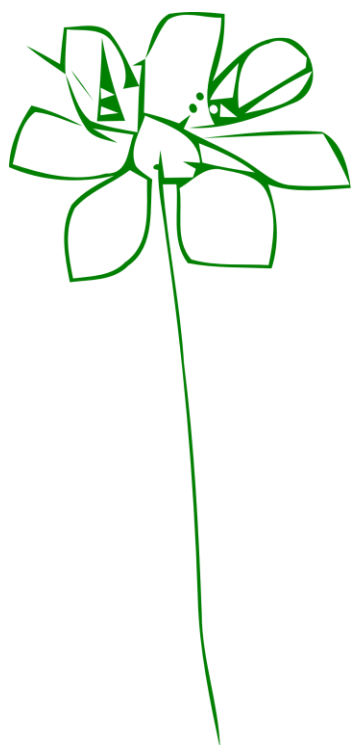
Вот другой цветок - белые лучи с жёлтым солнышком посередине. Танцует, размахивая лучами по ветру. Точно также, как танцевал игрушечный клоун Ромка из Страны Детства.

Гладишь и его. Шепчешь: "Ромашка!". Он открывает свои цветочные глаза и удивлённо и радостно смотрит на тебя: "Ты меня звал?".

Да, звал. Василёк, Ромашка... Ещё - О-ду-Ванчик - пушистый эльф Ваня, живший у бабушки на даче под крыльцом.

Васильки, Ромашки, Одуванчики. Я вас теперь буду иногда звать. Ладно?

Спасибо Вам.

Волшебная Зарядка, или сказка о нетелефонном разговоре

-Здравствуй! Ты - кто? – проснувшись от первых солнечных лучей, тихонько щекотавших его дисплэй, удивлённо проговорил маленький сотовый телефон, увидев, что, кроме него, на стиральной машине лежит какой-то чёрный кубик с проводом, вилкой для розетки и штеккером.

-Я? Зарядка от телефончика. Здравствуй и ты! – весело пропищал чёрный кубик.

-Зарядка? От... граммофончика! – неуклюже пошутил телефон, любопытно глядя на свою соседку. - Я тебя раньше почему-то не видел.

-Хозяин всегда подзаряжал тебя ночью, малыш. Когда ты уже спал. А меня убирал в комод. Я могла тебе только присниться. А сегодня меня забыли убрать. И я - здесь. Вот мы и познакомились! – радостно сказала зарядка.

– А-а... Очень понятно. То есть, я хотел сказать – очень приятно. А ты вообще – зачем?

-Где - зачем? – спросила зарядка.

-Вообще зачем? На свете? – сказал телефон задумчиво.

-На тьме и на свете? Лежать на буфете!!! – засмеялась зарядка неожиданно сочинившейся песенке.

-Я серьёзно же спрашиваю! – обиженно пробормотал телефон. – А ты надо мной смеёшься. Ты – злая!

-Нет, телефончик, – ласково сказала зарядка. – Не ругайся. Не грусти. И за всё меня прости. Это же просто шутка. Песенка. Чтобы было смешно. Чтобы жить было чуть светлее и интереснее. Если мы все будем такие важные-преважные, серьёзные-пресерьёзные – мы ведь... – знаешь, что будет?

-Что? – телефончик уже перестал обижаться и с интересом слушал рассказ своей удивительной собеседницы.

-Мы – треснем. Будем жить с тобой в лесу – будем трескать колбасу! Ой... это ещё одна песенка-приговорка такая получилась. Смешная. Треснем мы от собственной важности и серьёзности. Лопнем, как Три Толстяка.

-Кто эти такие толстяка? – от волнения путая слова, выпалил телефончик.

-Ты что, юноша, не читал Юрия Карловича Олешу? – удивилась зарядка.

-Я... Ну... Я читать вообще-то могу. Но, знаешь – понемножечку только, – смущённо признался телефон. - Там, на полке, над стиральной машиной, вместе с дисками и кассетами лежит книжка стихов Овсея Дриза. Она у меня от дедушки. Старенького Телефонного Аппарата.

-Ясно. Не журишь, хлопчик, это не страшно. Понемножку – это очень даже неплохо. Понемножку росла редиска – и вот на завтрак вам полная миска!

Будешь читать и Олешу, и Овсея Овсеевича Дриза. Они ведь такие писатели.

-Какие?

-Сказочники. Гномы. Волшебники. Они перетворяли жизнь в слова, а потом их слова обратно перетворяли жизнь. Делали её светлее, теплее и разноцветнее, – улыбаясь, как маленькое солнышко, сказала зарядка.

-Я понял. Я – понял! – радостно завопил телефон, и аж подпрыгнул от переполнявшей его радости.

- Ой! Что случилось, телефончик? – встревоженно спросила зарядка.

- Олеша. Дриз. Живые буквы. Сказочники - это волшебники. Светлее. Теплее. И разноцветнее. Я понял – Зачем Мы На Свете! Спасибо тебе, зарядка. Ты - светлая. Спа-си-бо!

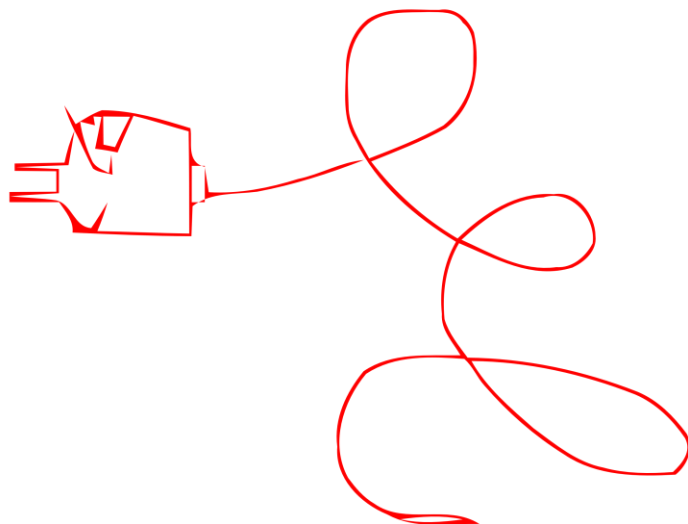
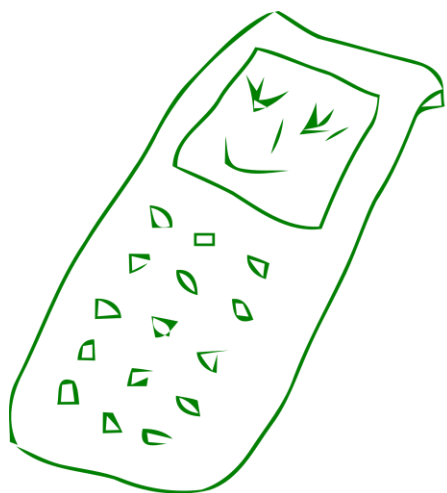
-Ой, мальчик ты мой. Это ты – светлый. И оставайся светлым. Тебе ещё звенеть и звенеть.

.....

Сорока, летевшая над крышами деревянных двухэтажек - домой, в берёзовый парк, на секунду замедлила свой полёт, увидев в открытом окне странную беседующую пару: он - с блестящими кнопками, она – с причудливо закрученными проводами. Радостных, взъерошенных. Улыбнулась им.

И они улыбнулись ей в ответ.

Вместе.

Чай Говорящих Трав

Лесной Старик в последнее время совсем перестал пить чай. Он заваривал себе в большой синей кружке разные травы. И пил отвар. Будто отворял ворота в другой мир – где цветы с человеческими именами, травы как протянутые к небу руки, листья как нездешние лица.

Теперь он знал.

Что рассерженный шиповник – шипит. Цветы липы – ласково липнут к губам. Лепестки ромашки – лепечут и машут: «Счастливого пути!». А листья брусники – весело раскачиваются лесным ветром – *(туда и сюда!)* – на своих внутренних брусках.

Йок

-Вы кто? – осторожно спросила синица у огромного мохнатого существа, вышедшего из леса и, усевшегося, как в кресло, в заросли багульника у опушки.

-Я? – существо заморгало ярко-синими глазами, похожими на чайные блюдца. – Я... Йок! Я – существо. Йок! Мохнатое такое. Йок! Йок! С глазами... Йок!

-А-а-а... Понятно. А как Вас зовут, существо? И – почему Вы всё время говорите «Йок!»? – любопытная синица перелетела на нижнюю ветку кедра, разглядывая своего неожиданного собеседника.

-Меня зовут обычно... Обедать меня зовут. Йок. Йок. Если я дома, среди своих. Йок. А если нет... Домой тогда меня зовут. Йок!!! – задумчиво ответило существо, йокнув в последний раз громче обычного.

-Ой – йой! Какие интересные у Вас имена – Домой, Обедать. А можно я буду Вас называть Мистер Обедать? И – Мистер Домой? – прочирикала синица, размахивая крыльями от внезапного воодушевления.

-Мистер Обедать? А что такое...Йок! – Мистер? А-а-а, наверное, - мастер... Так я, да, обедать мастер. Йок. Особенно, знаете, когда жареная картошка. С молоком и чёрным хлебом с хрустящей корочкой. Йок! – добродушно йокнув, ответило существо. И улыбнулось.

-Извините! Я просто недавно книжку прочитала – про Гекль-бер-ри Финна, вот. И там негры всех уважаемых людей называют «мистер». И ещё так – «масса», - смущённо похвасталась синичка.

-А Вы, что, ... йок!, синица - негр? - заинтересовалось существо. – И какая же у вас масса?

-Да нет, - весело прочирикала синица. – Не негр я, и массы во мне с гулькин нос. Просто синичка-невеличка. А почему вы всё время «йок» говорите?

-Да... говорю... Потому что... это... у меня сердце йокает. Потому что я - заблудилось... – грустно сказала существо. Его ярко-синие, похожие на чайные блюдца, глаза – заблестели, и с края левой ресницы слетела предательская капля.

-Ну... ничего... Знаете, я Вас сейчас отведу. Куда надо. Я весь-весь лес знаю. Я ведь летаю и немножечко там, и чуточку здесь... Вы только не огорчайтесь. А как мне правильно вас называть? Как Ваше имя?

-Йок! – снова йокнуло существо. И обрадованными солнечно-синими глазами посмотрело на добрую синицу.

-Йок... Йокарный Бабай.

Разноцветное кино мира (глаза-небо)

Глаза были закрыты. Потом они потихоньку начали открываться. Сначала совсем на чуть-чуть. Потом ещё на чуть-чуть. А потом... Глаза уже смотрели на мир. Сквозь ресницы, с хитроватым прищуром:

"Ми-и-ир! А... - поиграй со мной! Мир! Ты - какой? Покажись! В тебе - интересно?"

Мир молчал. Он, конечно, мог бы что-нибудь показать - например, язык, или фигу, но ему не хотелось никого обижать и ни над кем ехидничать. Он молчал и смотрел.

Глаза открывались всё шире и шире, и в самом центре зрачков начала, дрожа, разгораться звёздочка великого удивления. Вот этого мир и ждал.

И началось! - самое удивительное на свете кино. Мир - старый бородатый киномеханик с папирсой в углу чуть улыбающего рта, - запустил свой трескучий киноаппарат. И на невидимом экране начали меняться движущиеся картинки, в которых - всё, что есть на земле странного, необыкновенного, сказочного.

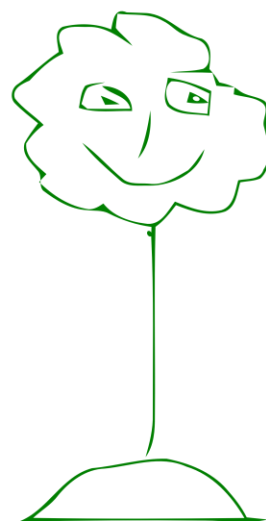
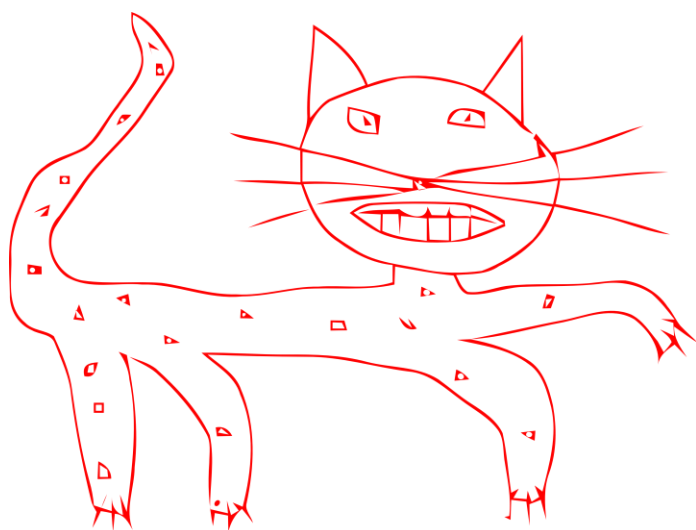
Звёзды, вызывающие по чёрной мостовой ночного неба искры своих мерцающих колыбельных. Цветы, самозабвенно играющие с полевыми ветерками в «Море волнуется раз...». Серебряная паутинка, улетающая в загадочные дальние страны. Бумажный кораблик, поющий весёлые пиратские песни, качаясь, как на качелях, на волнах лесного папоротникового ручья. Танец ежиного семейства вокруг сыроежек в ковбойских шляпах. Сорока, которая учит голубя сорочьему языку, и при этом смешно размахивает не только крыльями, но и лапами. Котёнок, прыгающий в одуванчиковый овраг, как африканский леопард в заросли джунглей. Солнечные лучи, что пролетают сквозь стены дощатого сарая, обращаясь невероятно прекрасными разноцветными пространствами. Пугало в огороде, одетое в матроску пятидесятих годов двадцатого века, и от этого похожее на весёлого мальчишку. И незабудка, которая умеет тихо-тихо, как колокольчик, смеяться.

...

Глаза открывались всё шире и шире. От удивления и радости.

Глаза были уже во всё небо. Глаза-небо.

И Мир – улыбнулся.

Сказка о волшебном дереве и мальчике-птице

(поэту-мальчишке Ицику Мангеру)

*У дороги стоит дерево,
Стоит оно, наклонившись.
Все птицы с этого дерева
Прочь поразлетелись...*

Песня

Вечер опустился на местечко, как чёрная шляпа, расшитая серебристыми нитками звёздных тропинок. Козочка Ханеле, щипавшая траву во дворе и мурлыкавшая себе в бороду древнюю козочкину песню, прилегла у крылечка, и как-то незаметно уснула. И мальчик Ицик, сидевший на крылечке, тоже стал незаметно засыпать.

-Ицикл, солнышко моё! – разбудил его голос мамы. – Спать пора, уснул бычок. И козочка наша вон уже тоже дремлет.

-Хорошо, мама! – встрепенулся мальчик. – А ты мне сказку расскажешь?

-Расскажу, расскажу. Ложись.

Ицик быстро умылся, забрался под пуховое одеяло, натянув его до самых ушей и приготовился слушать сказку.

-Ну вот... Давным-давно, а может быть и недавно, произошла такая история. Мне о ней рассказывала мама, а ей – её мама. Недалеко от одного местечка росло дерево. Только дерево это было не простое, а волшебное.

-Это была вишня, да? Как в саду у тёти Этэле?

-Это была... немножечко вишня, немножечко яблоня, а немножечко – шелковица.

-Такая, как мы видели, когда ездили к бабушке в Крым, да?

-Да, мальчик мой. Ты будешь слушать или перебивать? – улыбнулась мама.

-Слушать-слушать! – прошептал Ицикл и закутался в одеяло ещё крепче.

-Дерево это было волшебное. Оно было очень добрым к людям, зверям и птицам. Оно давало им тень, когда было жарко, дарило им свои ягоды и яблоки, когда кто-то был голоден, делало мир чуть светлей, когда кому-нибудь было плохо и грустно. Постепенно дерево научилось улыбаться, у него появились весёлые и добрые глаза, нос. И рот, который светился улыбкой и смехом. И больше всего дерево полюбили птицы.

-А звери? А люди?

-Ицик, но ведь не все звери умеют лазить по деревьям. И не все люди будут забираться на ветки. А только некоторые. Которые похожи на мартышек...

-А я не только на мартышек. Я ещё похож на льва. Знаешь, как я умею рычать?

-Знаю. Только сейчас не время рычать. А время...

-Знаю, знаю – спать... Только говори сказку дальше.

-Больше всего дерево подружилось с птицами. Оно даже выучило птичий язык. Оно называло птиц, прилетающих к нему, по именам и очень любило их. И птицы любили дерево. Иногда, когда ему становилось чуть грустно (а ведь даже самым светлым и весёлым существам в этом мире - иногда бывает грустно) птицы пели волшебному дереву свои песни и оно улыбалось. И птицы улыбались. Даже зимой, когда листья с дерева облетели и дул зябкий ветер, птицы были вместе с деревом. И им было хорошо. Но однажды случилось так, что птицы всё-таки разлетелись...

-Мамочка, но почему, почему птицы улетели?

-Они испугались. Был сумрачный вечер, и к дереву подлетела Туча, похожая на косматого сердитого старика.

-Такого, как дядя Яша, что живёт у реки?

-Нет, сыночек. Дядя Яша странный, но он совсем не злой.

-Да, он хороший, хотя... очень косматый! Он бродит, поёт какие-то свои песенки. И позавчера подарил мне шишку. С орехами. И мы с ним белок кормили.

-Вот видишь. А та Туча-Старик - она была нехорошая. Она радовалась, что так напугала птиц, что они разлетелись, и дерево осталось совсем одно. И ему стало очень грустно.

-Мама, а знаешь... А мы с дядей Яшей вместе... прогоним Старика-Тучу... и ещё орехов насыпем... сороки же любят орехи... они... вернуться, мама... вернуться... И я сам стану птицей. А ты, чтоб я не замёрз, мне дашь шубу... и шапку... и ещё – валенки.... И я полечу... А потом – все птицы вернуться... и я тебя тоже возьму с собой. Ты, мамочка, – моя самая лучшая в мире птица. И – ты видишь, видишь – дерево уже улыбается... Они – вернуться...

-Обязательно вернуться.

Спи...

Воронёнок-драматург, или Куда уплывают кораблики

Жил-был воронёнок. Чёрный-пречёрный – крылья чёрные, перья чёрные, глаза чёрные, клюв – чёрный, уши -... Хотя нет, уши у него вообще-то были не чёрные. У него ушей вообще не было. Ну, то есть были - такие маленькие, что, считай, и не было. А зачем ему большие уши? Он же не слонёнок-лопоухер, в самом деле. Что ему надо – он и так прекрасно слышал.

А что ему надо? А то, чтобы было интересно. Гулял он однажды по парку, возле берёзовой избушки, вдруг слышит – какое-то невероятно громкое жужжание. Это в избушку влетела пчела. Великанская! Он раскрыл клюв, и сказал на своём волшебном лесном языке: «Пчела, пчела, ты великанская и прекрасная. Ты, пчела, может, колдунья?».

А пчела в ответ: «ЖЖ!!!!» Воронёнок только клюв раскрыл, чтобы спросить, что это за «жж», вдруг смотрит – а он уже не воронёнок, а пингвинёнок.

Пчела снова: «ЖЖЖЖ»!!!! Смотрит пингвинёнок, а он уже вовсе и не пингвинёнок, а бегемот-старичок - в растоптанных тапках, в пенсне и с газетой, на которой написано «НЕЗДЕШНИЕ ВЕСТИ. Зазеркальная Правда». Пчела снова: «ЖЖЖЖЖЖ!»!!! А бегемот уже и не бегемот, а мальчик. В красных резиновых сапогах, старой болоневой куртке, лыжной шапке с помпончиком и с самодельным корабликом из спичечного коробка в руках.

-Пчела, а пчела! Скажи, я - кто? – проговорил мальчик, удивлённо оглядываясь.

-Ты – драматург Шварц... – усталым и добрым голосом сказала пчела.

-А... я зачем Шварц? – снова спросил мальчик.

-Затем, что не Олеша... – непонятно ответила пчела. И вдруг сказала: - Прочти стихи.

-Сейчас, – почему-то ничуть не удивившись, сказал мальчик. Посмотрел на свой крошечный кораблик, чему-то улыбнулся. - Вот:

*Великанская пчела
Очень любит мармелад
Я же просто мальчик-птица
Мне всё это снится.*

-Молодец, Женя! – засмеялась пчела. – Лети. Ничего тебе не снится. Точнее, всё снится. Но лететь – по правде. Лети. Вместе с корабликом.

.....

Около берёзовой избушки в парке журчал ручей. По его берегам качались на тёплом ветру ромашки и одуванчики. Два воробья, усевшиеся на корягу, беседовали неспешно и задумчиво:

-Вон коробок плывёт. На кораблик похож, правда? Только без мачты.

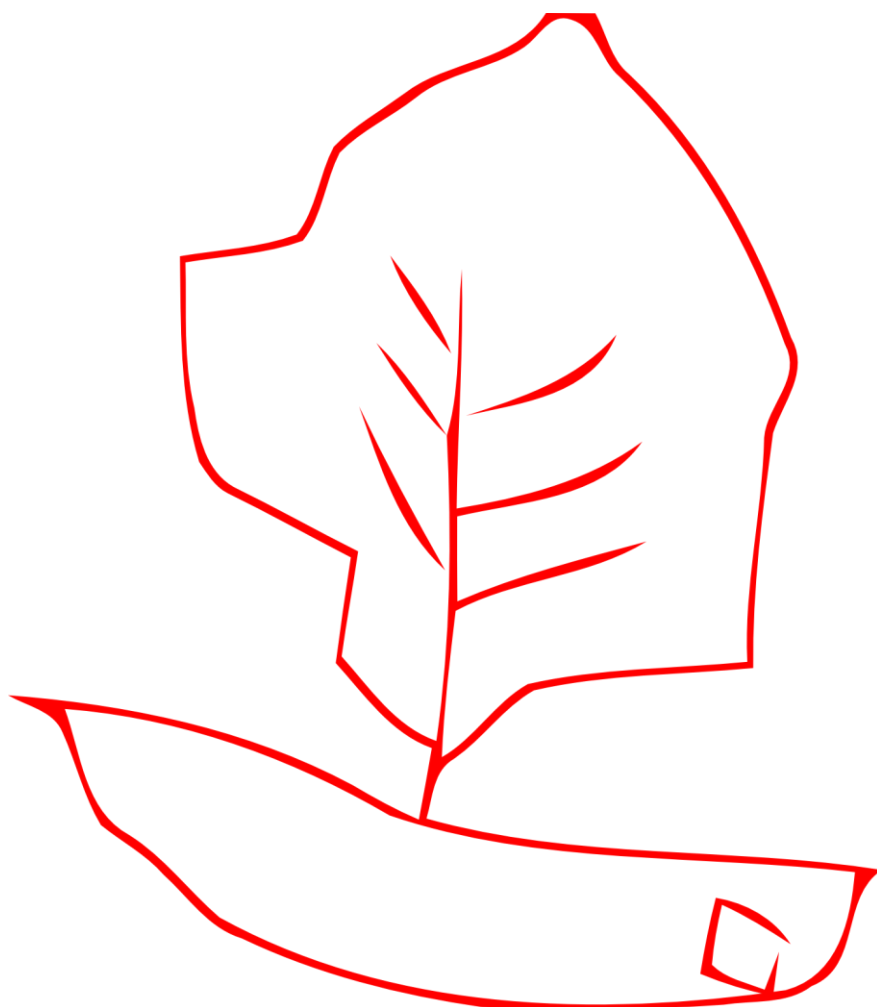
-Похож, да. А помнишь, здесь воронёнок-мальчишка часто бывал... такой взъерошенный? Он тоже кораблики делать любил.

-Помню. А он где сейчас?

-Не знаю. Ой! Смотри...

Над самым окном берёзовой избушки медленно ползала пчела. Или даже шмель. И в одной лапке у пчелы-шмеля было маленькое ведёрко с серебристо-синей краской, в другой – крохотная кисточка. И этой кисточкой она рисовала последнюю точку в красивом-красивом, каком-то даже сказочном граффити:

А ВОРОНЁНОК - УЛЕТЕЛ.

Старик и ящерка

Небо было не тёмным, скорее темнеющим. Огромное море, как ленивый зверь, еле-еле шевелило лапами-волнами и дышало. Сквозь сиреневую поляну неба проклюнулись первые одуванчики звёзд. Было тихо. Только ветер время от времени насвистывал монотонные мелодии своих древних, дремучих ветерковых песен.

На берегу стоял Старик. Просто стоял, смотрел на небо, на море, слушал ветер. Улыбался, и даже, кажется, шёпотом подпевал ветерковые песни. Ему было хорошо здесь, на пустынном берегу.

Вдруг что-то прошуршало у ног Старика. Он глянул вниз. Ящерка! Встала на задние лапы и любопытно уставилась на Старика своими переливающимися разноцветными, как радуга, отражающаяся в зеркале залива, глазами.

-Привет? – сказал Старик. – Ты кто?

-Я? – густым баритоном переспросила ящерка. – Я – Король. Король здешних ящериц.

-А как тебя зовут, Король? – улыбнулся Старик.

-Джим! Биммм!!! – засмеялся в ответ хвостатый монарх. – Я Сын Моря.

-Как это?

-Ну... У меня папа... Он вообще-то был морской адмирал. Ну, а потом он поселился навсегда, здесь, в море. И теперь – самый главный. Он тоже Ящер. Когда он был адмирал – он был сердитый – и всё время на меня вопил. А теперь он – хороший. Его зовут Яша. Яша Морев. Или просто Море. А я – Моря Сын.

-А что ты любишь делать больше всего? – почему-то спросил Старик.

-Я? – обрадовался Джим. – Песни люблю петь. Я их... это... сам и сочиняю и пою.

-А ветерковые песни ты знаешь? – чуть заметно улыбнувшись, спросил Старик.

-Ну... Вообще-то... это я их написал, – смутился Король. – И ветру подарил. Давно-давно ещё. Только он – ветер – летает туда-сюда всё время... невнимательный немножко... и забывает песни. Только кусочки помнит. Их и насвистывает.

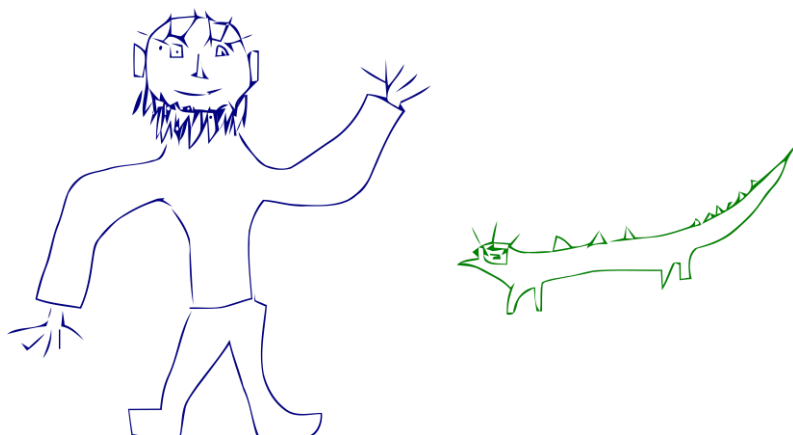
-А давай споём их. С тобой. Вместе! – медленно проговорил Старик.

-А ты... мои песни откуда знаешь? – недоверчиво поинтересовался Джим.

-Бимм!!! Я знаю всё. Я не простой Старик, – прошептал Старик.

И они запели ветерковые песни. Вдвоём.

Старик и ящерка.

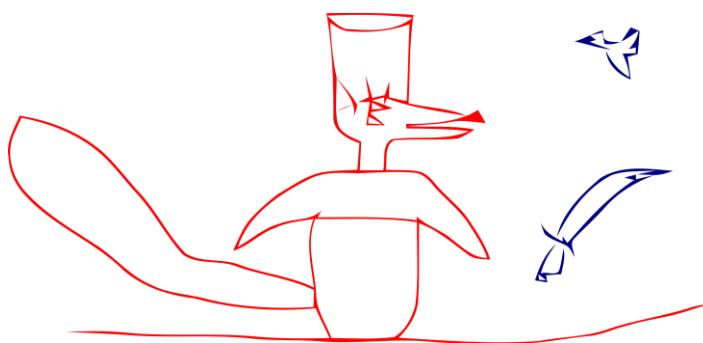

Белые белки, рыжие рыжики и прочие голубые голуби

(папина разговорная сказка)

- Знаешь, а я вчера был в лесу! И видел там белку!
- Белку? Вот здорово! Она такая белая вся, да?
- Хм-м... Нет, вообще-то нет. Она рыжая.
- Ой! Так почему же она белка? Она... да, точно, она должна быть рыжуха! Или рыжик!
- Видишь ли, рыжик – это такой гриб. А рыжуха – так называют лису.
- Лису, лису... А я знаю, почему её так называют. Потому что она живёт в ЛЕСУ!
- Ну, может быть, и так. Бывает рыжая лиса, а бывает чернобурка.
- А-а-а, у неё, значит, бурка есть, да? И папаха! И ещё кинжал!!! А она не кровожадная?
- Нет. Чернобурка – значит чёрно-бурая, цвет такой.
- Ну, нет, это неинтересно. Тогда вот так. Бурой бывает медведица, а чёрным... – трубочист!!! Значит чернобурка – это тот зверь, кто любит мёд и ещё по крышам лазить. А, может, она и живёт там, на крыше. Может, она чёрно-бурый Карлсон?!!!
- Нет. На крыше живут воробьи. И голуби ещё.
- Ага, ясно. Воробьи – это такая птичья милиция, да? Они воров бьют. Ну, тех, кто, например, простыни тащит с верёвок. А голуби – они красивые, наверное. Голубые такие.
- Н-н-нет, они совсем не голубые вообще-то. Они – серые, сизые.
- Папа, а я тогда знаю, почему мама тебе иногда говорит: «Голубь ты мой!» Ты, наверное, Джузеппе!

Мой добрый папа Джузеппе Сизый Нос.

Солнечный зайчик, лунный зайчик...

Жил-был в лесу зайчик. Солнечный. Прыгал по полянам, махал во все стороны лапами – и на весь лес разлетались его праздничные оранжевые лучи. Потому что он был – маленькое солнышко.

Однажды припрыгал зайчик на незнакомую поляну. Осмотрелся кругом – и запустил горсть лучей – на травы, на кусты, на деревья. Всё сразу засверкало, заискрилось, заулыбалось. И из-за дальнего куста выскочил ещё один зайчик – искристый такой, белый с серебристой шерстью. И улыбнулся солнечному зайчику:

-Привет! А ты – кто?

-При-вет! Я – солнечный зайчик. Я из солнечных лучей сделан!

-Ого! А я – тоже зайчик. Только другой. Наоборотный.

-Какой другой?

-Лунный. Я из лунных лучей. По ночам гуляю – и во все стороны лапами серебряный свет плескаю. Чтоб не заблудился никто ночью. Чтобы не страшно было маленьким – если они проснутся случайно.

-Здорово! Давай с тобой дружить! Вот, я тебе солнечной морковки дам – ешь на здоровье!

-Спасибо! А вот тебе – лунной капусты! Я её на специальной поляне выращиваю. Вкусная!

Так они беседовали, хрустя морковкой и капустой. И им было хорошо вдвоём.

Вдруг кусты зашевелились и из-под них выполз неведомый зверь. Похожий на черепаху, только без головы, без лап и с каким-то длинным-предлинным тонким хвостом.

-Привет! – хором сказали солнечный и лунный зайчики неведомому зверю. – Хочешь солнечной морковки и лунной капусты?

-Привет, длинноухие! Не-а, я такое не ем. Я люблю рыбу, грибы и огурцы. Солёные.

-А ты вообще кто? – поинтересовался солнечный.

-Я? Я – мышка!

-Какая-такая мышка? – удивлённо произнёс лунный. – Я наших лесных мышек знаю. У них четыре лапки и глаза-бусинки. А ты – какая мышка?

-Какая-какая? Компьютерная, конечно! И без меня бы вас здесь, между прочим, не сидело.

-Это ещё почему? – в один голос спросили солнечный и лунный зайчики.

-Боже мой, ну какие же вы непонятливые, зайцы-попрыгайцы! Потому что чтобы вам было где сидеть – на этой вот поляне, где вы повстречались – эту поляну, и лес, и вас – нужно было сначала придумать. И поселить вас жить в сказку. Которая за такими маленькими чёрными значками, напечатанными на белом снежном листе – вырастает. И становится настоящей.

А чтобы значки эти напечатать, - нужно компьютер включить, а потом меня взять в руку. И я по значку Word ка-а-ак щёлкну! Вот тогда и появится белый снежный лист. А в нём – ваша сказка и вы. Поняли?

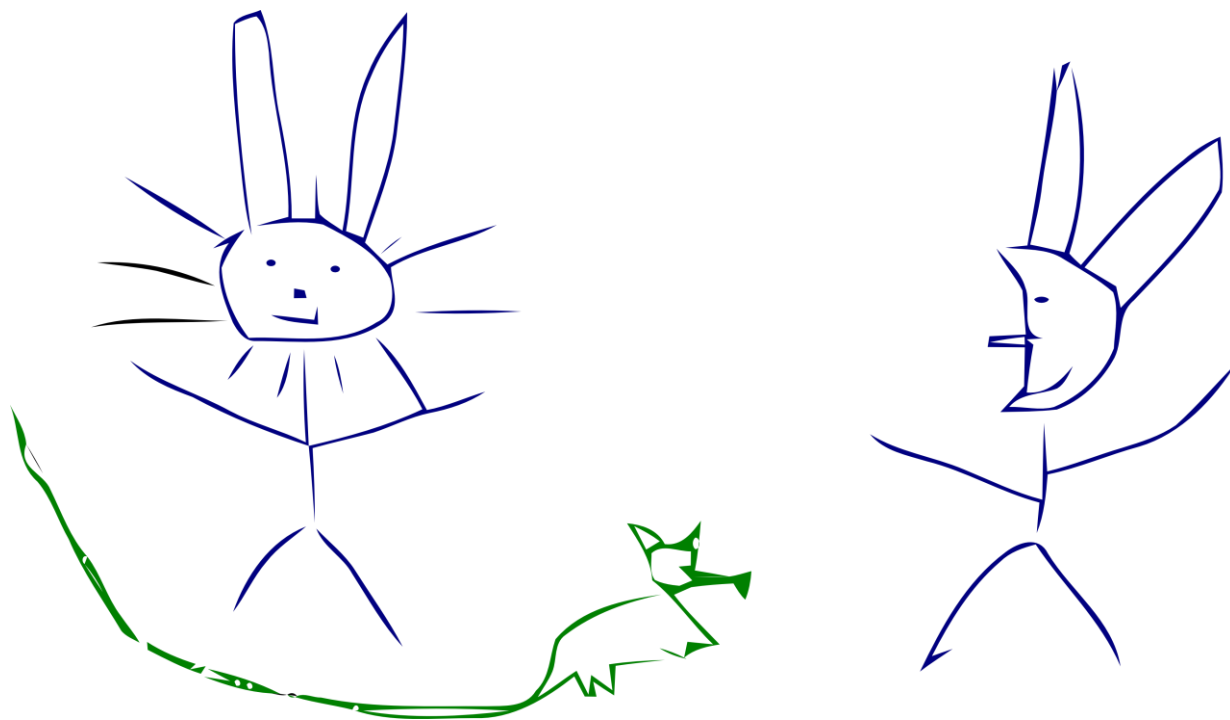
-По-ня-ли... - как-то грустно ответили зайчики. – Так мы что, ненастоящие?

-Дуралеи вы мои, солнечно-лунные! Да как же это вы ненастоящие? А кто будет солнышко по кустам, деревьям, травам рассыпать? А лунными

лучами лес серебрить? Ну-ка, быстро на свои поляны! А то – скоро закат. Вы не слышите, что ли? У старого пня крот галошу потерял – ему без солнышка её ввек не отыскать. А бурундук собрался бурундучонка спать укладывать – кто ему лунную колыбельную споёт? А ну – со всех ног по вашим лучистым делам!

-Урррра!!!!!! – завопили солнечный и лунный зайчики, перекувырнулись через головы, и со всех ног умчались в лес. А то вправду – кто же будет в мире лучи рассыпать горстями солнечными и лунными?

-Давно бы так! – довольно замурлыкала мышка, заползая обратно под куст и медленно растворяясь в синем предвечернем воздухе. – Малышня зайчатная! Если б не вы – мир бы давно уже заглохнул. И перезагрузка бы не помогла...

Слова, играющие в прятки

(папина прогулочная сказка)

-А что, жеребята – это – железные ребята?

-Конечно. Они же очень сильные и быстрые. Лошади, только маленькие. И в железных моторах мощность измеряется лошадиными силами.

-Ого... Тогда, выходит, инжир – это иностранный жир?

-Тоже верно. Что иностранный – это понятно, а жиром в старину называли жизнь, сытость, пузатость. Калории, говоря по-нынешнему. Вот в инжире их как раз много.

-У-у-у... А знаменитый – это тот, у кого знамя из ниток, да?

-Да, верно. Знамя – оно ведь всегда из ниток. Души. А если этих ниток нету – то нету и знамени. Ведь знаменитый – это такой человек, который очень много хорошего знает. И потому у него очень большое знамя. И оно видно сразу многим людям издалека.

Как небо.

Как облака.

-А я вот ещё такое слово слышал умное – физиогномика. Это что-то про гномов, да?

-Несомненно. Ведь у каждого гномика – своя физия. Физиономия, то есть рожица. А физиогномика – это такая наука, как гномиков друг от друга по рожицам отличать.

-А кто такой руководитель? Это тот, кто руками водит? Он водит машину? Или трактор? А что, есть ещё такие, которые ногами водят? Ноговодители?

-Руководитель – это тот, кто за руку водит. Вот мы с тобой сейчас будем дорогу переходить. А на дороге как раз машины. Поэтому – я тебя сейчас возьму за руку и поведу. Потому что я и есть твой руководитель.

- Хорошо! Пошли, руководитель. Будем гулять дальше!

Василий Кориандрович Лопоухер (рассказ деревянного слонёнка)

Вот он. Мой друг. Был подарен мне всего неделю с небольшим, а уже – совсем как родной. Весёлый, хитроглазый, пританцовывающий. Я его сначала называл Васькой. Но – знаете, какой он иногда бывает важный? Ого-го! Просто так не подойди. Потому – называть его следует ныне, как мне было авторитетно заявлено, Василий Кориандрович Лопоухер. А он и рад новому имени. Стоит у стиральной машины и аж взбрыкивает ногами от радости. Ну настоящий Васька! Слон-жеребёнок. Когда я его спросил: «А почему у тебя такое имя?» – он в ответ хитро-прехитро прищурился, взглянул чуть искоса и смешно наморщил нос. То есть хобот. И, вздохнув, ответил:

-Василий – потому что маму мою звали Василиса. Ну, знаешь, из русских сказок. У неё и глаза были голубые. И на хоботе она всегда носила букетик васильков. А папа Кориандр часто дарил ей ромашки. Он сам был смуглый такой, коричневый слон. Хороший мой папа. Кориандровый... Из дальних стран. Помню, когда я был ещё крошечным слонёнком – килограмм на 120 всего, папа Кориандр часто брал меня на руки... или на ноги? – и подбрасывал в небо. У-у-ххх! А я смеялся и кричал: «Слоны летают! Летающие слоны!». Ещё мы с папой часто боролись на ковре в гостиной. Он был весёлый. И с бородой.

А теперь, когда ты уху варишь и достаёшь пряности, я всё время становлюсь чуть грустный. Знаешь что? Ты не вари с гвоздикой больше, от неё плакать хочется. А вари всегда с кориандром. Будет не хантыйская уха, а как у моей бабушки Фаи. И я буду стоять, нюхать и ВСПОМИНАТЬ. Ты ещё что-то спрашивал? А, почему фамилия такая? Лопоухер. Да, это наша фамилия. Семейная. Гордая. Видишь ли... когда мы, слоны, едим... лопаем, значит – у нас за ушами трещит. Да пошутил я, пошутил. Уши, дело в том, что – у нас особые. Вот, папа рассказывал, что у африканских слонов – уши как Африка на карте, а у индийских – как Индия. А у нас уши – они как крылья бабочки. И мне иногда кажется, что если... Изюм всех сил ими взмахнуть... ушами ... как лопастями вертолёт, или крыльями, как у птиц – то можно.... Ты только не смейся!... – улететь. Туда... где всегда светло и ясноглазо, где внутри у тебя васильковый букет, как у мамы. И где можно разговаривать глазами, и понимать друг друга, так как понимают шёпот листьев звёзды. Печальные и мудрые. Где тишина звенит самой удивительной на свете песней, и лишь издали доносится еле слышный прибой больших городов. И нет больше времени, и нет больше печали. И там все, с кем ты когда-то расстался – обязательно встретятся. А иначе ведь жить на свете нельзя! Вот.

Такая у нас фамилия. Лопоухеры мы. Нет, не волшебники. Просто деревянные слоны. А теперь – прости. Я почему-то очень хочу спать. Я сегодня, может, увижу во сне... увижу... там ещё... серый котёнок был... он глядел... и пел мне песенку... (устраивается поудобнее между гитарой и книжкой Крапивина и засыпает мгновенно. Как ребёнок).

Ты и есть ребёнок. Слонёночьего мирка. Спи, мой Лопоухер. Вот ты какой, оказывается. Спи, слонёнок-сказочник. Спи. И пусть тебе приснится огромная, пушистая, ласковая звезда.

Как букет васильков.

ЗОЛОТИНОЧЪЕ ЗАЗЕРКАЛЪЕ
(ОСЕННИЕ СКАЗКИ)

Дождик и воробей

Постаревший за одну ночь дождь раскачивался из стороны в сторону и взволнованно тёр прозрачной ладонью левый висок: "Лето. Ушло. Ушло... Насовсем".

"Зато пришла осень!" - чирикнул взъерошенный мальчишка-воробей. И, подпрыгнув, со всего маху зарылся в прохладный жёлтый ковёр из берёзовых листьев. Из-под вороха листьев на мир глядел только его чёрный, хитро прищуренный глаз. Потом этот глаз неожиданно подмигнул дождю.

И дождь - улыбнулся.

Лунные человечки паучонка Григория

В осеннем парке всегда светло. Листья кружатся и медленно-медленно, будто снятся сами себе, опускаются на пожелтевший ковёр травяных тропинок. Воздух прозрачен и звонок. Но – то тут, то там, наискосок, оседлав тихий ветер, проносятся еле видимые серебристые нити. Самолётики паутинок.

-Пррри-вет! – неожиданно услышал я тонкий, буратиновый весёлый голосок.

-При...вет! А ты кто? – сдержанно удивился я.

-Эх ты! В очках, а – будто слепой Пью! Я – паучонок Григорий! Я - лечу!

-Ладно тебе дразниться. Гагарин!

-Ой! А ты как узнал? Меня в нашей паутиной лётной школе Гагариным как раз и называют. Потому что я – летатель!!!

-Кто?

-Лётчик–испытатель. Новейших моделей паутиных самолётиков. И я хочу когда-нибудь улететь на Луну!!!

- Гриша, а почему на Луну?

-Потому что она как яблоко. С мёдом. И ещё потому что там есть лунные моря. И кррррратеры! А в них живут – лунные человечки. Бабушка говорила, что они ростом как раз такие же как мы. А... ты случайно не лунный?

-Не-а. Я – шестиструнный. Но про лунных человечков тоже знаю. Я про них даже [песню сочинил](#). Вот, слушай:

*А на луне есть лунные человечки -
Маленькие, ростом не больше напёрстка...
Каждый вечер они зажигают звёзды,
Как обычные свечи,
И звёздным светом
Мерцает их пушистая шёрстка.*

*А на луне есть лунные человечки -
И по субботам они все собираются вместе -
Курят трубки, пускают в небо колечки
Синего дыма
Да поют свои странные песни.*

*А на луне есть лунные человечки.
В их домах живут лунные кошки
И лунные мышки.
Человечки гуляют в лунном лесу,
Купаются в лунной речке
И смеются, совсем как земные мальчишки.*

*А на луне есть лунные человечки -
Никто не помнит
Откуда они там появились.*

Осенняя карусель листьев

-А давай играть! – сказал ветер Владимир задумчивой берёзке Насте, стоявшей отдельно от своих сестёр, что кружили медленные прозрачные хороводы в осеннем парке.

-Давай! А как? – улыбнулась Настя, и смешно наморщила нос, будто в него попала одуванчиковая пушинка.

-Я буду летать вокруг тебя и страшно-престрашно завывать. Будто я – дракон. Или просто крылатый Ящер! – с горящими, как сентябрьские звёзды, глазами фантазировал ветер Владимир.

-А по правде? Ты ведь не ящер. Ты ведь Володинька? – спросила берёзка Настя.

-А по-настоящему - я буду просто гладить тебя по волосам. Ты знаешь, я, когда был маленький, такую книжку читал сказочную. Чешскую, кажется. Про Златовласку. Вот и ты такая. Зла-то-влас-ка, – проговорил Владимир по слогам, словно бережно укачивая диговинное имя в ладонях.

-Давай! – радостно откликнулась берёзка Настя.

И они начали играть.

.....

Я выглянул в окно. Берёзка раскачивалась на ветру. А листья неслись по ветру и кружились, как клоуны на ярмарочной карусели.

Листья падали как снег.

Бельчонок на берёзе

Осенняя сказка

День был жёлтый. Потому что осень. И прозрачный – потому что я опять бродил по огромному берёзовому парку. Там мой второй дом. Там светло, задумчиво и легко. Там живут сороки, которые клюют птичье дерево рябину. А белки, которые щёлкают кедровые орехи, обитают по соседству – в лесу у Долины Ручьёв.

Вдруг что-то промелькнуло и прошелестело сбоку, по россыпи листьев у старой берёзы.

«Крыса? Кошка! Или собака...» – машинально подумал я. И повернул голову, чтобы разглядеть это шелестящее существо.

Ой-ёй-ёй! Белка! Вы когда-нибудь видели белку в берёзовом парке? Вот и я – нет. А ведь вот она! Буквально в семи шагах. Смотрит на меня, чуть наклонив голову, нюхает холодный осенний воздух.

Я остановился, бросил ей несколько семечек. Видимо, белка не знала, что это такое, поэтому улепетнула от меня на ствол одиноко стоящей среди берёз молодой сосны. Уселась на ветку и, продолжая внимательно меня разглядывать, принялась щёлкать хвостом. И как-то заговорщически махать мне лапами.

Удивительная, однако, повстречалась мне белка. Правда, присмотревшись, я понял, что это скорее бельчонок. Между тем мой весёлый знакомец продолжал свой хитрый загадочный танец размахивания лапами и хвостом. А через секунду я услышал хриловатый и негромкий, но весёлый голосок:

– Ты что, слепоглухонемой? Или ты на меня обиделся?

– Я? На тебя? Это ты говоришь?

– Конечно, я. Я с тобой уже минут пять здороваюсь, а тебе хоть бы хны.

— Да нет, то есть... да. То есть, - здравствуй, бельчонок! Здравствуй, конечно.

— О! Класс! Ты знаешь, как меня зовут! Обидно, когда кричат и обзывают крысой, или мышью... или бурундуком... или даже белкой. А я – бельчонок. Ты правильно угадал.

– Я не угадал. Я тебя, кажется, знаю. Я даже про тебя песню сочинил.

— Ой, здорово. Споёшь?

– Потом. Конечно, спою. Тебя же Геннадием зовут? А друга твоего, ёжика – Трофимкой.

– Ты и Трофимку знаешь? И про него песню тоже поёшь?

– А вы с ним в одной песне живёте. Вот, слушай.

– Всё-всё. Я уже это... того... наострил уши. Пой, пожалуйста!

*В лесу, где мохнатые ели звенят,
И в чащу ведёт тропинка,
Жил под кустом,
Под волшебным листом
Ёжик лесной – Трофимка.*

*И часто в гости к нему приходил
Рыжий бельчонок Геннадий,
Они пили чай
И совсем невзначай
Ели с вареньем оладьи.*

*Потом прибегала пушистая ночь
И в сны одевала их души.
Я тоже там был,
И чай лесной пил
И звёздную сказку слушал...*

– Ой-йой-йой! Какая пе-сня... Всё как по правде. По-настоящему. А ты откуда знал, что Трофимке бабушка-ежиха оладьев напекла?

– Знал, бельчонок. Приснилось мне. Наяву. Знаешь, так бывает... Я же, получается, рядом с вами тогда сидел. Невидимый. И тоже свой чай пил. Со звёздами.

– Это хорошо. Это – я тогда об-ра-ду-юсь! А знаешь – я... я тоже песню сочинил. Только – маленькую. Я могу спеть. Ты... ты же не будешь смеяться?

– Нет. Не буду. Над песнями смеяться нельзя. Песни ведь живые. Они могут обидеться.

– Моя песня – про гриб. Про поганку! Про то, что она нехорошая, ядовитая. Вот (бельчонок смешно надул щёки и, сложив губы трубочкой, нараспев прокричал):

*Уйди, гриб-поганка!
Ты о-о-о-очень ядовитый!
Ты – как злая обезьянка!
Я на тебя сердитый!!!!*

– Это хорошая песня, бельчонок. Кажется, она даже волшебная. Ты её здесь, в парке, пел?

– Ага... Я её недели две назад сочинил. И так радовался. И здесь, в парке прыгал и пел.

– А ты знаешь, что поганки ушли?

– К-к-как?... Куда ушли??

– Из парка ушли. Насовсем. Я же здесь часто брожу. Вот месяц назад их здесь было видимо-невидимо. А сейчас – раз! – и нет ни одной. Это ведь ты их прогнал.

– У... Урррра! Значит, песня и вправду волшебная. А петь я так научился у мальчика одного, маленького. Он здесь ходил с палкой – как с посохом волшебника. В комбинезоне.

– Я знаю, бельчонок. Я знаю. Это мой сын Тимка. Мы с ним тоже часто здесь гуляем.

– У тебя есть сын?

– Даже два. Тимка – ещё маленький, а старший уже в школу ходит. В четвёртый класс.

– Я тоже в школу хожу! В четвёртый с половиной класс. Только я с урока удрал, – и бельчонок хитро сощурил глаза. – С лисологии.

– Ого! Лисология! Что за предметы у вас?

– Иногда ерунда всякая, иногда ничего. Книжки всё равно самому интереснее читать. Ну, кедровая акробатика у нас каждый день по два урока, орехоедение, воздушный хоккей шишками, теория щёлканья хвостом, гриборазличение ещё. Слу-шай! А приходи к нам в школу преподавать!

– Что я вам могу преподавать? Бесцельное Бродяжничество по Паркам и Озёрным переулкам?

– Ну, не знаю... Может, песни? Ты вот хорошо сказал, что они – живые и волшебные.

– Понимаешь, бельчонок, песням научить никак нельзя. Ведь поёт-то каждый сам. И мир у каждого свой.

– Жалко... Ну, тогда просто приходи почаще. Сюда или в наш лес, в Долину Ручьёв. Мы с тобой будем бе-се-до-вать.

– Про лисологию? – улыбнулся я.

– Нет. Про это не хочу. Чёрно-серые лисицы очень плохие. Злые, страшные.

– Чёрно-бурые, ты хотел сказать?

– Нет. Бурые – это медведи. Михаилы Трофимовичи. У нас с ними договор. Им – мёд, нам – орехи. Рыжие лисицы – тоже хорошие. Они – солнечные. А вот чёрно-серые... Они, кажется, хотят съесть не только нас, белок, но и весь мир. Чтобы он стал чёрно-серым. И чтобы больше не было ни звёзд, ни жёлтых листьев, ни рыжих хвостов, ни карих удивлённых глаз.

– Не бойся, бельчонок. Чёрно-серые лисы всегда были. И, наверное, будут. Главное – тебе самому не стать чёрно-серым. И мне. Не пускать в себя эту серую черноту. И тогда – ничего страшного. Можно жить дальше. И петь песни.

– И петь песни... – шёпотом повторил бельчонок, глядя куда-то вверх.

О волшебных яблоках с мёдом

Осенняя предновогодняя сказка

Жил–был в лесу Беличий народ. Весёлый, рыжий, хвостатый. С кисточками на ушах.

Папы-белки путешествовали по кедровым веткам, искали большие смолистые шишки и запутавшиеся среди хвои звёзды. Чтобы принести своим детям гостинцы. Шишки с орехами – на угощение, а звёзды – под подушку. Чтобы сны снились звёздные – лучистые и звенящие.

А мамы-белки всё больше хозяйничали на лесных кухнях. Надев клетчатые передники, стояли у маленьких плит и колдовали что-то своё – как умеют только мамы. Варили, помешивали, сыпали горстями изюм из брусники, пахучие травы, добавляли сироп из одуванчиков и клевера.

А где же были совсем маленькие бельчата? Белки-дети?

А дети, как всегда, играли. С другими лесными обитателями – ежатами, барсучатами, медвежатами. Они бегали сломя голову, устраивали весёлую кучу-малу и радостно вопили на весь лес. Но никто их не ругал. Потому что – неизвестно откуда, но все звери знали – скоро придёт Праздник. А раз Праздник – значит, нужно радоваться. Это такой закон.

Когда вечер ещё не наступил, но солнышко уже начало потихоньку уплывать на край неба, на поляну пришёл ёжик и показал всей весёлой компании какие-то жёлтые ломтики, от которых пахло не хвоей, не орехами, а как-то странно и замечательно.

«Ой, что это?» – спросил самый маленький бельчонок.

«Это – яблоко», – ответил ёжик.

«Я-бло-ко! – подняли радостный гвалт зверята. – Ур-рррра! А давайте его скорее съедим!»

«Подождите, пожалуйста, – задумчиво, будто что-то вспоминая, сказал самый маленький бельчонок и несколько раз дернул себя за кисточку на левом ухе. – Знаете, что... Когда-то давно... Тогда, наверное, я был ещё совсем крошечным... Я уже видел вот это... я-бло-ко. Во сне. Но его не надо кушать просто так. Там, во сне, на нём было ещё что-то... Тоже жёлтое, только другое... и оно пахло цветами... и сладкими травами».

«Так это же мёд! – обрадовался медвежонок, пыхтящий на краю поляны и уже изрядно проголодавшийся. – У моего папы есть! Целая бочка! Сейчас я вам принесу-у-у-у-у...»

И медвежонок убежал с неожиданным для его комплекции проворством. А через пять минут возвратился, радостно размахивая маленьким сосновым бочонком, на котором был нарисован синий колокольчик.

«Это не простой мёд. А ко-ло-коль-чи-ко-вый. Вот. Это мне папа дал. Для нас всех».

Счастливый от того, что выговорил длинное слово «ко-ло-коль-чи-ко-вый» без ошибок, медвежонок протянул мёд ёжику.

«И что теперь? Бельчонок! Что ты ещё помнишь из своего сна?» – спросили зверята.

«Вот что!» – намазав ломтики яблока мёдом и вручив по ломтику каждому, кто был на поляне, бельчонок торжественно и чуть нараспев произнёс: «Кушайте. На здоровье и на счастье. На то, чтобы всем было хорошо. Чтобы звёзды прыгивали с неба прямо к нам в лапы. Чтобы ни у кого не болели ни папа, ни мама. Чтобы в будущем году ни с кем не случилось ничего плохого. Чтобы лучше смеяться, чем плакать. И чтобы к нам в лес никогда не ходили охотники».

Притихшие зверята посмотрели на огромное звёздное небо и что-то еле слышно зашептали. И каждый откусил по кусочку от своего праздничного бутерброда.

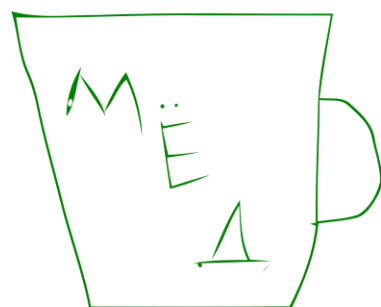
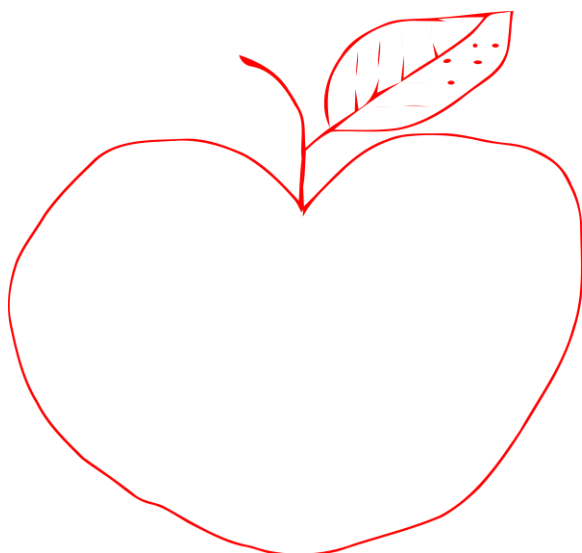
«Как же вкусно!» – улыбаясь от уха до уха, проурчал медвежонок. И все маленькие звери с радостными и светлыми лицами, удивлённо уплетая неведомое лакомство, закивали ему в ответ.

А на самой старой сосне у края поляны сидел дедушка Белк. Поначалу он просто курил свою трубку и с улыбкой смотрел на весёлых зверят. Но, когда маленький бельчонок начал рассказывать про свой волшебный сон, трубка выпала у дедушки Белка из лап (хорошо, что её ещё в воздухе подхватил Дятел, и крикнув: «Спасибо, Белк!» - улетел докуривать трубку на опушке). Дедушка, как замороженный, слушал бельчонка, смотрел, как он раздаёт друзьям яблоки с мёдом. А когда малыш стал нараспев говорить про звёзды, папу, маму, будущий год и охотников, старый Белк заплакал. От радости.

«Это ничего, ничего... – бормотал он, раскачиваясь на ветке из стороны в сторону. – Я знал, я верил... Он – помнит. Внучек мой! Хорошего года тебе. Хорошего года вам всем. Кушайте яблоки с мёдом. И угощайте других. Тот, кто съест это угощение, целый год будет укутан звёздными лучами от всякого зла. И потом... это же очень вкусно. Очень-очень. И не бойтесь ничего. Охотники не придут.

Всё будет хорошо, дети мои...

Охотники не придут».

Пони и паучонок. Дранико-пончиковый вечер.

Белый пони с удивлением посмотрел на чёрного паучка Ананси, который мастерил из кедровых веток какую-то сложную фигуру, похожую на ёлку, у которой ветки расходились вверх и только в две стороны – направо и налево.

-Паучонок! А... что это ты делаешь?

-Ну...Такую штуку, понимаешь... Цветок Праздничных Огней. Как доделаю – мы на каждой веточке будем свечки зажигать – каждый день по одной, потом ещё по одной... ну и – вот. Потому что когда-то давно... наши... охотников из леса прогнали. И – волчок ещё будем крутить...

-А – праздник уже сегодня? - обрадовался белый пони. – А... чем мы будем это... уго-щать-ся?

-А ты с севера или с юга? – непонятно ответил паучонок Ананси.

-Я? Я, наверное, с севера, – подумав, ответил пони.

-А я – с юга, – продолжая заниматься своим кедровым макраме, невозмутимо продолжал паучонок. – Значит, так. Ты – чистишь картошку и жаришь драники. А я – достаю из сундука сгущёнку и пеку с нею сладкие пончики.

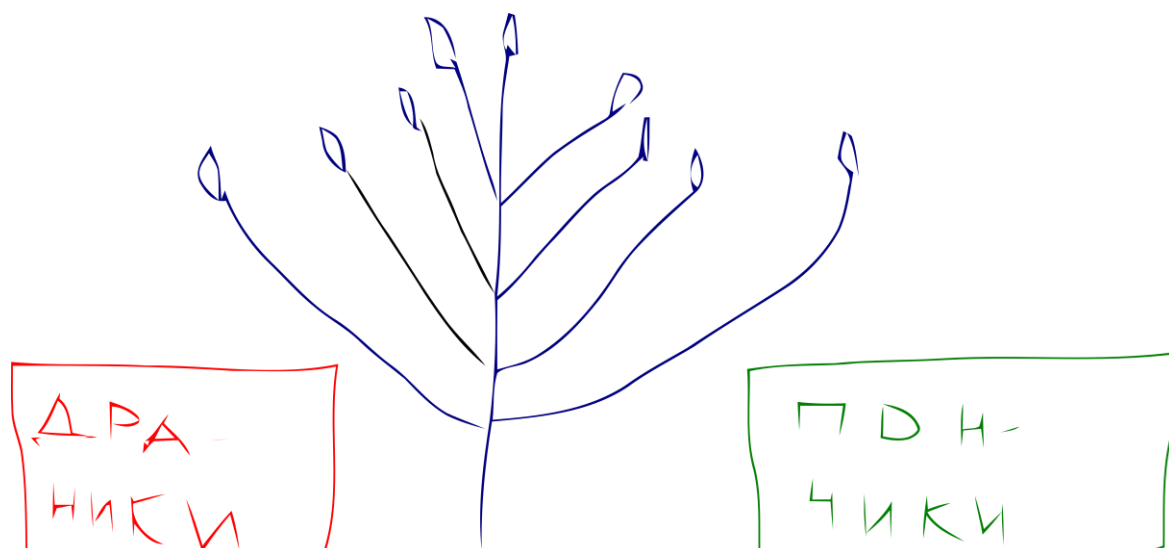
- А почему это мне – драники, а тебе – пончики? – чуть обиженно спросил белый пони.

-Как тебе сказать... - строго ответил Ананси. – Так сложилось ис-то-ри-чески. Может потому, что драники – белые, как ты. А пончики – чёрные. Как мой дедушка...

-Ну-у-у... - засмеявшись, пропел пони. - Это они чёрные, если тебя к плите подпустить. Ты их и пережаришь до угольков. Давай-ка я сам всё угощение приготовлю!

-Давай! – обрадовался паучонок и замахал самой пушистой веткой. –А потом зажжём свечку. И будем угощаться.

Вместе.

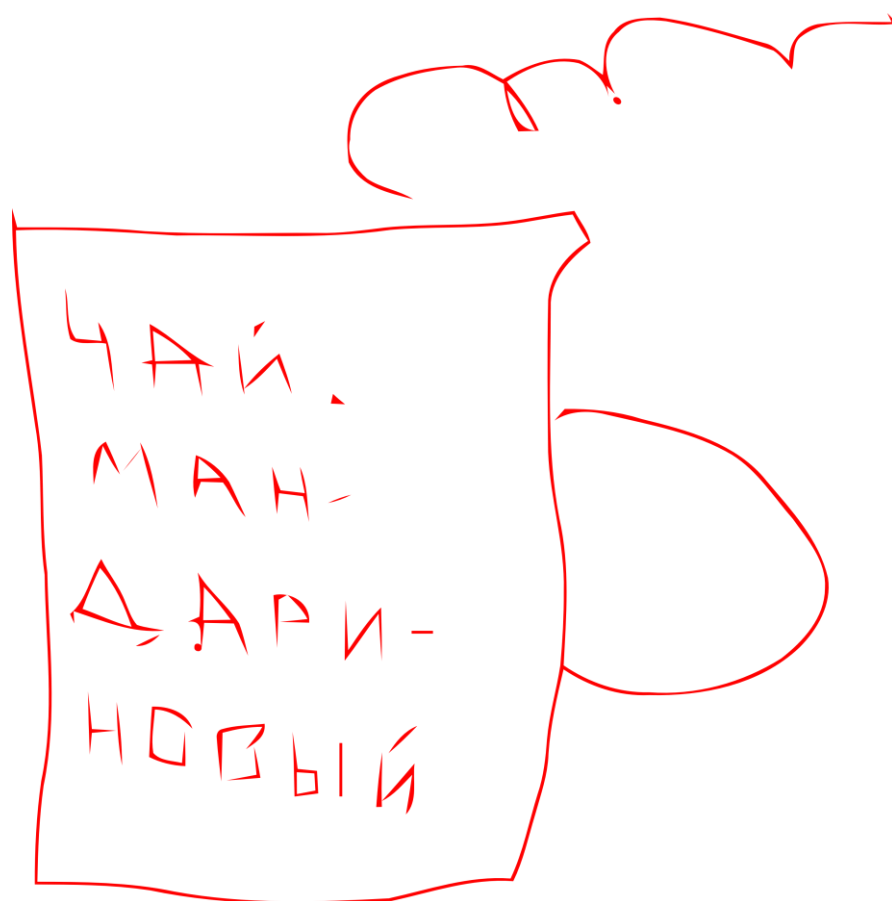
Пони и паучонок. Мандариновое утро.

Этим утром белый пони был явно встревожен. Поминутно смотрел на небо, будто пытаясь увидеть там что-то невероятно важное, мотал головой, закрывал глаза, тяжело дышал. Чёрный паучонок Ананси возился рядом у костра - подогревал воду, заваривал диковинно пахнущие травы, подкладывал в огонь тонкие веточки нездешних деревьев. И мурлыкал себе под нос свою африканскую песенку.

Вдруг белый пони удивлённо растопырил глаза, махнул в пустом воздухе копытом, словно прогоняя кого-то и громко и взволнованно заговорил:

-Я понял! Это же метафизическое надувательство! Онтологический блеф! Реальность мерцает и дрожит, сакрализированный универсум аннигилируется тотальной энтропией, трансцендентальные пространства выталкивают нас прочь – от феноменов к ноуменам, к агностицизму. Это тотальный космогонический заговор! Зловещий хохот Демиурга – я слышу его!

-Да, - меланхолично ответил чёрный паучонок Ананси, размешивая ложечкой в разноцветной кружке что-то пахучее и солнечное. – Какое горе. Бе-бе-бе. Иди, пони, чай пить. Мандариновый.

Концерт для Дождиковой Королевы

Бельчонок сидел на пенёчке и печально смотрел на мир. Наступила осень, и первые жёлтые кораблики листьев уже отчаливали от пирсов берёзовых, осиновых и тополиных веток в своё головокружительное путешествие. Бельчонок провожал их взглядом, и потихоньку кивал головой, словно желая корабликам-листьям доброго пути.

Он и сам не знал, отчего ему печально. Вообще-то он очень любил осень, и каждый раз ждал её неспешного прихода как праздника. Какого-то медленного пронзительного карнавала, непохожего ни на что на свете. Бельчонок любил и зиму, когда мир становится хрустящим и новогодним, и весну, когда ручьи начинают пахнуть свежими травами и берёзовыми почками. И лето, когда лес, нагретый солнцем, кажется, всё время дремлет, убаюканный скрипками неугомонных кузнечиков. Но осень была не просто так. Это было ЕГО время. Иногда бельчонку блазило, что осень – это невидимая девушка, добрая и чуть печальная. Она бродит по лесу и тихо-тихо, шёпотом и шелестом поёт свои задумчивые песни. А может, не бродит, а летает. Бельчонок называл её Дождиковая Королева. Если королеве станет очень грустно, она может заплакать, – тогда и вправду начинал капать мелкий осенний дождик.

-Плэмс! – и на загривок бельчонку упала капля.

-Плэмс! – и на плечо скатилась другая.

-Королева! – прошептал он, и у него защемило сердце. – Не надо! Я не хочу, чтоб ты плакала. Знаешь, я... вот что... я тебе спою свою песню. Я её сочинил. Для тебя. Вот.

И бельчонок, прикрыв от смущения глаза, встал на пенёк, как на сцену, и дирижируя лапками, запел – а, точнее, громко-прегромко закричал на весь лес:

-Осень!!!

Я тебя – люблю!

Я ей...

Яблоки!

Куплю!!!

Тишина. Только через пару секунд бельчонок услышал какие-то хлопки.

-А? А... Аплодисменты? – удивлённо подумал он, и с опаской приоткрыл глаза. Дождик кончился. Перед ним, прямо на поляне, у пня, сидела взъерошенная сорока и хлопала крыльями.

-Ты что? Ты зачем хлопаешь? – спросил бельчонок.

-Потому что! Это же у тебя концеррт! Я аплодиррую! Мне нрррравится твоя аррия! – радостно застрекотала сорока, не прекращая хлопать. – Ещё! Обнови репертуарррр!

- Спасибо, сорока! Я рад. А дождик давно кончился?

-Он услышал твою аррию. И рретиррровался! Сррразу!

-Тогда хорошо! – радостно сказал бельчонок. И ойкнул: –Ну вот... я уже как ты начал говорррррть.

-А ты ещё сделай концеррт! Ты же арррртист! Арррию! Рррррритм-н-блюз!!! – потребовала сорока.

-Я попробую... Только... Я не успел сочинить много песен. И... они будут похожие.

-Ничего! Ррррраспевайся!

И бельчонок, приободрённый первым успехом, снова вытянулся во весь свой маленький рост на сценическом пне, взмахнул левой лапой и завопил, надувая щёки, как хомячок:

-Осень!

Я тебя люблю!!!

Я ей... бублики!!!

Куплю!!!

Я ей... пряники куплю!!!

Сорока устроила настоящую овацию. И тут же пустилась в пляс, перескакивая с поляны на пенёк, с пня на траву, с травы снова на пенёк, и утомительно кувыркаясь. И подпевая:

-Осень!

Я тебя люблю!

Я – рррррогалики куплю!

Бельчонок тоже не отставал – прыгал, кувыркался, махал лапами и хвостом – как угорелый. И пел, пел без усталости – свою самую главную осеннюю песню. Для Дождиковой Королевы.

В верхушках деревьев раздался еле слышный смех. Хороший-хороший, словно с неба прозвенели незабудки, васильки и колокольчики.

И весь день в лесу было солнечно.

Про котёнка Джимку

Котёнок Джимка лежал на подоконнике и смотрел в окно. Котёнок был маленький; ему едва исполнилось пол-года. За окном было необыкновенно. С утра шёл дождь. Именно шёл, тяжело топая по асфальту серовато-серебристыми лапами. "Надо же, прямо тигр!..." - засмеялся котёнок. Про тигров ему рассказывала мама-кошка, которой в детстве часто приходилось засыпать, сворачиваясь клубком, на большой цветной книжке Игоря Акимушкина.

А с обеда пошёл снег. Джимка никогда не видел снега, и широко распахнутыми глазами глядел сквозь стекло, и не мог наглядеться. Пушистые шестиконечные звёздочки, кружащиеся в хитром и задумчивом танце, совершенно заморозили его. Котёнок качал головой из стороны в сторону, и - от уха до уха улыбался, совершенно забыв, что Игорь Акимушкин чёрным по белому писал, что кошки улыбаться не умеют.

Краем глаза Джимка заметил, что к окну подошёл Хозяин. Ещё через секунду он почувствовал, нехорошим холодком на загривке, что Хозяину плохо. Что у него в самом центре зрачков - ледяные тоскливые искорки.

И маленький котёнок, совсем не знающий, что такое человеческая тоска, впервые в жизни понял, что он, маленький серый комочек с лапками и хвостом - должен помочь Хозяину. Потому что так надо. Потому что иначе будет плохо всему миру. А мир у котёнка был маленький, как и он сам. Мир этот был светлый и удивлённоглазый.

И Джимка привстал на задние лапки, неуклюже захлопал лапами в ладоши, и затанцевал бесхитростный котёночий фрэйлехс. Потом подпрыгнул, что было сил, приземлился Хозяину на плечо, обнял его за шею и трижды погладил левой лапой по уху.

И очень испугался, услышав странные каркающие звуки. Глянул в Хозяину в глаза, и - стало хорошо-хорошо. Хозяин хохотал. Гладил его по голове. И сквозь смех еле еле шептал:

-Ну, Джимка... Ну, поросёнок.... Циркач... кошачьего мирка...

Хороший ты мой...

Штурман Жорж, или История игрушечного обезьянёнка

*Девушка, можно спрошу я тебя?
Что в этом мире растёт без дождя?
Что может гореть, гореть, не сгорая?
И что – тосковать и плакать без слёз?*

*Смешной ты, мальчишка, смешной твой вопрос...
Человечье сердце – плачет без слёз,
Человечья любовь – горит, не сгорая,
Человечья тоска – растёт без дождя.*

*Тум-бала, Тум-бала, Тум-балалайка,
Тум-бала, Тум-бала, Тум-балалайка,
Так веселей играй, балалайка,
Пусть будет радость, радость для всех*

Песня

Дождь был нахмуренный. Небо обиделось. Его холодные слёзы летели как крошечные стеклянные птицы. Мир стал мокрым и зябким.

Когда на лужах начали надуваться важные индюки-пузыри, в дверь тихо постучали. Или это просто дождь поскрёбся прозрачной когтистой лапой? Нет, не дождь. Тук-тук-тук. Тук-тук-тук. Надо открыть. Я потушил сигарету и отошёл от распахнутой форточки.

Сначала показалось - у двери никого. А это очень плохо. Можно впустить злую невидимку. Но вот – еле слышный, дрожащий голосок:

-Меня зовут штурман Жорж... Пустите, пожалуйста, мне холодно.

У самого порога, дрожа и переступая с лапки на лапку, растерянно улыбался игрушечный обезьянёнок. Коричневый, плюшевый, с кожаными ушами и ладонями.

-Боже мой! Да, да, конечно, заходи скорей! Я сейчас... Чаю...

Я принёс обезьянёнка в комнату и усадил на диван.

-Спасибо. Если можно, с ромом. Ну, или хоть с брэнди.

-С коньяком и лимоном. У меня есть. Но... как ты здесь оказался?

-Это долгая история. Или даже несколько. Я жил у шарманщика.

-Злого? И он мучил тебя и привязывал верёвкой?

-Н-нет. Доброго. Только... он немножко любил... как это называется... хлебнуть лишнего. Со своим другом столяром. А его длинноносый сын поступил в театральный, и днями и ночами пропадал в театре.

-А почему ты оказался один, на улице, в дождь?

-Я... не помню, - голос штурмана Жоржа снова задрожал, будто к горлу подступили слёзы тоски и обиды. – Мне кажется, тут всё совсем другое. Это не тот город. Здесь нет мощёных разноцветным булыжником площадей, нет башен со шпилями и флюгерами, нет набережной. И моря нет. Я... я не знаю, где я...

-Не плачь. Вот твой чай с коньяком и лимоном. В серебрянном подстаканнике. Старинном. Правда, здоровско?

-Да, спасибо. – улыбнулся Жорж. – Я видел такие подстаканники. В Гвинее-Бисау, когда мы ходили в рейс.

-А кто это – мы?

-У меня был двухмачтовый бриг. «Созвездие». И мы ходили на нём в дальние страны. Я и моя команда.

-Так ты и вправду штурман???

-Ну... я вообще врать не люблю никогда. Я родился в Африке, в обезьяньей деревне, на берегу океана. С детства мечтал о путешествиях. И вот, когда я был ещё совсем маленьким, в нашу деревню приплыли пираты. Они, наверное, хотели грабить. Мы так думали. А что можно взять у нашего народа? Ни денег, ни сокровищ, ни алмазов. Мы – свободное племя, нам это всё не нужно. И они забрали с собой меня. Их капитан улыбнулся мне, дал плитку шоколада, посадил за пазуху и унёс на корабль.

-И ты... стал обезьяньим пиратом?

-Да нет же, - смешно наморщив нос, сказал штурман. - Я научился у них морскому делу, подружился с капитаном. Это ведь, как оказалось, были ненастоящие пираты. А просто вольные бродяги, морские путешественники. Они никого не убивали никогда. Я стал у них штурманом, и мы путешествовали вместе. Хорошие ребята. Ром вот меня научили пить, - чуть застенчиво засмеялся Жорж и отхлебнул из стакана.

-А потом?

-Потом, в одном из портов, я услышал, как играет старый шарманщик. И мне очень понравилась его песенка. – И штурман Жорж стал напевать простуженным басом, смешно дирижируя чёрной кожаной лапой:

*«Тум-балалайка,
Шпиль, балалайка,
Шпиль, балалайка,
Фрэйлэх зол зайн!».*

-Это такая песня про то, чтобы всегда играла музыка и людям от этого было светло и весело. Вот. И я остался жить у него. Я помогал ему крутить шарманку, и иногда подпевал эту песенку. Люди всегда радовались, и бросали монетки. Потом мы с шарманщиком покупали конфеты и мармелад, и ужинали вместе. Иногда прибежал из театра его длинноносый сын. Смешил нас всегда. Корчил уморительные рожицы, и изображал, как зевают бегемоты. Мы так смеялись! Хорошо... А теперь, - обезьянёнок снова заплакал, - я не знаю, где я. Вот здесь...

-Не плачь. Так не бывает, чтобы было всё время тоскливо. Знаешь что? Давай я тебя накрою красным ватным одеялом. И засыпай. Вот, видишь, рядом с тобой будут плюшевый тигр Шер-Хан и весёлый покемон Пикачу. Они будут тебя охранять, чтобы не случилось плохого. А утром – кто знает, - может быть, ты проснёшься дома?

-Спасибо вам. Вы – хороший. Мне, наверное, и вправду, лучше поспать. Спокойной ночи!

-Спокойной ночи, штурман Жорж.

...

Засыпай, мой обезьянёнок. Отважный путешественник по сказкам, мирам, временам и пространствам. Скорей возвращайся домой. Хотя... мне будет жаль. Я буду скучать по тебе, штурман.

Возвращение штурмана Жоржа, или Фабрика сквозняковых песенок

Ночь была как кошка - мурлыкала сквозняковые песенки. Синевчёрной шерстью неба трётся о звёзды и месяц. Её было хорошо видно в окно. Я стоял у форточки, курил и думал – интересно, а как бы узнать, где кончается кошка, и начинается ночь... Мне было как всегда. Сказать, что хорошо – нет, не совсем. Но уж и вовсе не плохо. Мне было странно. Прозрачно, непонятно и интересно. Почему звёзды улыбаются? Кто сочиняет сквозняковые песенки? Дым от моей сигареты, вылетая в окно – танцует вальс или фрэйлэхс? Если посмотреться в чёрное зеркало кофе, остывающего на подоконнике – увижу ли я весёлого обезьянёнка?

Уже во второй раз из-за угла большого строгого дома во дворе вылетел чёрный полиэтиленовый пакет с порванными ручками. Вылетел, и – смешно заковылял по снежной тропинке, как лесной старичок в чёрной шубе, пробирающийся сквозь сугробы в свою избушку. Дедушка-пакет топал так старательно, так важно, что не заметил, как к нему подлетел хулиганистый ветерок. И как следует дунул пакету в спину. Вэй! Чемпионат мира по акробатике! Трибуны восторженно плачут. Да, такого прыжка ночная общественность не видела уже давно. Bravo! Бис!!! Семерной кувырок через голову с пролетанием дистанции в четыре метра и идеально грациозным финалом. И вот, когда наш чемпион вытянулся в струнку поприветствовать своих невидимых поклонников – он внезапно свалился в сугроб. Уже от хохота. И дворовый дедушка собачьего мира по прозвищу Тишка-Обезьянская Мартышка – недоверчиво смотрел от своего подъезда на хохочущий пакет без ручек. Bravo, дедушка-пакет. Тебе рукоплещут лунные и звёздные жители. Ну, и конечно, я...

-Ты меня звал? Или просто нечаянно вспомнил? – будто из ниоткуда приплыл ко мне чуть хриповатый и какой-то игрушечный голос. – Или ты меня уже совсем забыл?

-Б-же! Неужели это.. – мой голос от удивления сорвался на шёпот. –Это – ты? Жорж ? Штурман? Но – как???

-Да, штурман Жорж. Как говорится – собственной персоной. – И на подоконнике появился весёлый плюшевый обезьяненок. Подмигнул мне и улыбнулся. Как настоящее обезьянское солнышко – от уха до уха.

– Ты же сам меня позвал. Так вот. Если ты заглянешь, как ты говоришь, в чёрное зеркало кофе просто так – не увидишь никакого меня ни за что. Потому что... ты помнишь какую песенку я любил подпевать, когда ещё ходил с шарманщиком? А ну-ка, вспоминай! – обезьяненок махнул лапкой и вдруг – исчез.

Я, глядя в чёрную кофейную луну, мерцающую в белой чашке на подоконнике, неуверенно запел:

-«Мэйдл, мэйдл, х-вил ба дир фрэгн

Вос кен ваксн ваксн он рэгн?»....

«Девушка, можно спрошу я тебя?

Что в этом мире растёт без дождя?»

И – о чудо! – в чашке появилась весёлая мордочка штурмана Жоржа и снова подмигнула мне.

«Вос кен брэнэн ун ништ фарбрэнэн?

Вос кен вэйнэн, вэйнэн он трэрн?»...

«Что может гореть, гореть, не сгорая?

И что – тосковать и плакать без слёз?»

- Вот. То-то же! – засмеялся обезьяненок и выпрыгнул из чашки обратно на подоконник. Причём – совершенно сухой. – Это же ты мне сказал, что песни – это не просто песни. Они – ну... как волшебные существа такие. А эта – про то, что *может расти без дождя, гореть и не сгорать и плакать без слёз* – она же – о самых настоящих волшебных вещах. И теперь она – моя волшебная песня. Пер-со-наль-ная. И ею можно меня позвать. А вообще-то... я сам уже по тебе соскучился. Ты мне тогда так помог. И ещё – коньяк у тебя вкусный! С лимоном. Помнишь? – и Жорж опять засмеялся. Так, как смеются, когда вспоминают что-то хорошее.

-Да ладно тебе!... А то – топает себе по дождю плачущий обезьяненок, шкребётся в двери, бормочет что-то про пиратов... Как тут коньяк не достать? – радостный оттого, что Жорж вернулся, сказал я.

-А ещё знаешь что? Я тут думал долго. И придумал. Ты, оказывается... – мой брат!!! Вот.

-Ой-ой??? А... Почему?

-А ты не помнишь? У тебя, Эли, что-то.. это... того... (поёт своим простуженным баском, дирижируя лапами, как Спиваков):

«Что-то с памятью моей – стало

Всё, что было не со мной – помню»...

- Ты что, и вправду забыл? Ты же говорил, что у всех Верховских, особенно маленьких, это есть.

-Да что это, Жорж?

-О-безь-я-нё-ноч-ность! – торжественно и нараспев выговорил мой ночной гость трудное, но, кажется, очень нравящееся ему слово.

-Это да. Правда. Значит, ты теперь мой братик? И откуда ты на этот раз свалился? С Луны?

-А... ой... а ты откуда знаешь?

-Что правда, что ли??? Я же просто так сказал. Это поговорка такая.

-Никаких поговорок. Илья... Пророк ты, однако! Но я сейчас и вправду на Луне. Я тогда ушёл от тебя – не помню, во сне или по правде. И пошёл бродить. Искать свой мир, свой дом. И забрёл в такой город странный. Все дома были как старинные замки. Да-да, даже избушки. И все почему-то были прозрачными. И улицы назывались... сейчас... вот: «Родниковая, Ручейковая, Хрустальная, Журчальная, Озёрная, Ключевая». А я вышел на улицу Зазеркальную. Хороший город, люди все добрые, приветливые. Только худые немножко и задумчивые. И светятся изнутри. Я потом узнал почему.

-Почему?

-Понимаешь... ну нет, давай я по порядку расскажу. В общем, вышел я на Зазеркальную. Иду, лапами махаю... или машу? – как правильно сказать?

-Жоржеле, я не знаю. Правда. Скажи «махн» и всё.. Рассказывай уже дальше.

-Я и рассказываю. Лапами, значит... ага... лахн... махн... и песенку мурлыкаю. И тут – шввввах! – мне прямо под ноги скатывается какой-то

бело-жёлтый мохнатый комочек. Я ещё успел в воздухе заметить что-то похожее на золотую нитку. А потом комочек запищал.

-Как мышонок, что ли?

-Нет. Как... как я не знаю кто. Но – вполне человеческим языком:

-Уважаемый Жорж! Здравствуйте вам! Добрых времён на всю вашу обезьянёночью жизнь! Мы слышали, что вы мурлычете песни. Вы, простите, хотите быть композитор? Чтоб сочинять песенки самому? А мы бы их разносили. По всему свету.

Ну, я чуть удивился... хотя, вообще-то нет. Не удивился. Скорее обрадовался. В хорошем городе – хорошая встреча. Только вот с кем? Я ему и говорю:

-Здравствуйте, здравствуйте! Всего вам того же самого доброго, уважаемый жёлтый комочек. Только скажите же мне, ради Б-га, кто вы такой, и куда вы меня зовёте, чтобы мне там быть композитор. Потому что я всегда этому ужасно рад.

-Не вопрос! – отвечает комочек, превратившийся в маленького человечка. Он, кстати, уже встал и расправил свою одежду – нечто вроде плаща с золотистой бахромой; а на голове его оказалось мексиканское сомбреро.

– Дорогой Жорж, я вас поздравляю. – И вдруг неожиданно пафосно, вытянув левую руку вперёд, в туманную даль... ну, как этот... у вас ещё стоят... памятник Ленину, вот.. – человечек воскликнул: - ВЫ - НА ЛУНЕ!!! Добро пожаловать в лунный город Самзах!

-Добро! – отозвался я. - Интересно тут у вас. Светитесь поэтому все? Что Луна? А вы, извините, сами кто будете?

-По паспорту? – почему-то смутился человечек.

-По какому ещё паспорту, Б-же мой? Как вас зовут? Кто вы?

-А! Да-да. Извините, я немножко рассеянный. Позвольте представиться. Я – лунный луч. А зовут меня Авессалом. Я – директор фабрики.

-Да?? Как-то... непохожи вы на фабриканта. Ботинки или мопеды?

-Чего? Ка... картинки и обеды? Извините, я чуть глуховат.

-Какие обеды??? А, кстати, пообедать бы не совсем помешало... Ваша фабрика – она чем занимается?

-О, это как раз очень интересно. Дело в том, что я директор фабрики... занимается она... ну... чтобы на свете было немножко настоящих сквозняковых песенок.

-Пе-се-нок? Сквоз-ня-ко-вых??? А... Это как? И – потом... Я немножко жил у людей. Они ведь боятся сквозняков. Говорят, что детей продует, они заболеют и всё такое. Думаете, с песенками им будет легче простуживаться?

-Уважаемый Жорж, ну как вы могли подумать? У вас немножко неверное представление о сквозняках и сквозняковых песенках. Сквозняк – он же почему так называется? Потому что проходит сквозь. Понимаете? Сквозь всё. А, значит, - увлечённо продолжал луч Авессалом, размахивая светящимися руками, - можно сотворить такой сквозняк, что он пройдёт сквозь все времена и все пространства. Представляете? Но это уже метафизика. Слава Б-гу, есть Б-г на небе, он сам за такими сквозняками следит. А мы другим занимаемся. Ну, например,... сидит человек. И грустно ему. Очень. Он песню начинает петь. А песня тоже грустная. Он наливает себе коньяк.

-Ой! Коньяк! Я знаю коньяк, луч Авессалом. Я, когда жил... у одного.. брата, он меня угощал. Он вкусный! Если с лимоном.

-Да, рэб Жорж. Но вы пили коньяк светлый и хороший. А если человеку плохо и тоскливо, ему всегда попадаете только тёмный и мрачный. И этот коньяк ему уже не помогает.

-Ну, он же может на небо, например, посмотреть. Там звёзды. Там громадное чёрное море с живыми весёлыми искрами. Оно дышит и тихо звенит.

-И снова, дорогой Жорж, вы правы. Но это вы. Вам сейчас хорошо, вы смеётесь и вспоминаете хорошее. А вот если тот человек посмотрит на небо - он, знаете, что увидит?

-Может, Луну?

-Да в том-то и дело, что не Луну, и не звёзды. А пустое, мутно-чёрное небо с клочьями своих же мрачных мыслей и несбывшихся надежд, превратившихся в свинцовые тревожные тучи.

-Так а.. что же делать??? Авессалом! Вы меня пугаете!

-Ничего, Жоржеле. Не бойтесь. Есть у нас одно средство. Вы вот зачем мурлычете вот эту шарманочную песню-то? Про *«Шпиль балалайка, фрэйлэх зол зайн»*?

-Ну... честно говоря... наверное, от одиночества. Потому что когда все грустные, всем плохо. А я пою. И шарманка играет. И это как волшебное слово: *«Фрэйлэх зол зайн!»* - *«Пусть будет радость!»*. И - она приходит, да. Становится светлее. Будто зажигается луч. Ой... Простите, Авессалом..

-Не беспокойтесь. Не за что. Так вот, штурман, вы всё сами и объяснили. Это и есть волшебная песня, которая проходит насквозь. Сквозь слёзы, сквозь горе, сквозь отчаянье. Это - сквозняковая песенка. И не надо от неё ёжиться. От неё ёжатся только чёрные лучи - они злые, нехорошие, для них нет большей радости, чем сделать человека тёмным и беспросветным. А бояться эти чёрные лучи только одного. Только ваших сквозняковых песенок. Ведь это вы - придумали идею моей фабрики. Я как-то летал там, по земле (я же луч любопытный... и путешественник ещё... по долгу службы) и подслушал вашу песенку... и Ваш разговор. Был такой бородатый человек в окне. Вы, извините, плакали. А он вам что-то рассказывал. А потом вы - ему. Он ещё потом вас положил спать.

-Это он. Эли. Он - мой брат, - гордо сказал ему я.

-Ну и вот. Жоржеле! Может, быть, вы будете так любезны принять моё предложение. И стать заместителем директора фабрики.

-Фабрики сквозняковых песенок?

-Да, да! Кстати, сердечное спасибо, какое же превосходное название!!! Я пока просто называл её Фабрика.

-А что я буду делать?

-Я же уже сказал - сочинять песенки. Но не простые, а... вот такие, как Ваши. Как *«Фрэйлэх зол зайн»*. Про *«Пусть будет радость»*. Или *«Лихтик ойф дер ганцер велт»* - *«Светло на всём белом свете»*. Или *«Каждый провидением отмечен, каждый светом ясным встречен»*. В общем, сквозняковые. Настоящие.

-Или про странствующих музыкантов, волшебных лесных зверей, да?

-Да, Жоржеле. Я знаю, Вы сможете. Только Вы. А мои товарищи-лучи будут разносить эти песенки по грустным и отчаявшимся душам. И дуть золотистым лунным сквозняком на чёрных лучей, которые в этих душах поселились. Ну, что? Летим???

-Летим!!!!

...

-Так ты, Жоржеле – теперь зам. директора? – улыбнулся я. - Эй!... Где ты?...

Обезьянё-но-ок! Штурман!

Исчез. Будто его и не было. Надо же... Сказал: «Летим!!!». И улетел. Наверное, его позвали лучи. Наверное, кому-то сейчас очень плохо, и чьей-то сумрачной душе очень нужна лунная сквозняковая песенка.

А за окнами чёрная кошка-ночь стремительно седела. Половина пятого. «Это ничего, – подумал я. – Это просто Время. Оно бежит. И именно на кошачьих лапах. Всё проходит. А что остаётся?

И тут я понял, что зажигая новую сигарету, мурлычу:

«Бэнкшафт кен ваксн, ваксн он рэгн

Либэ кен брэнэн ун ништ фарбрэнэн

Харц кен вэйнэн, вэйнэн он трэрн».

«Человечья тоска – растёт без дождя.

Человечья любовь – горит, не сгорая.

Человечье сердце – плачет без слёз»...

Всё правильно. *Тоска растёт без дождя. Сердце может плакать без слёз. Любовь – вечно горит и не сгорает.* Как говорил штурман Жорж: «Это же всё о волшебных вещах. Самых настоящих. Поэтому и песня – волшебная».

Я знаю, что остаётся. Когда всё, что было дорого и любимо, забирает себе спешащее в свою безвозвратную страну на мягких кошачьих лапах Время.

Остаются сквозняковые песенки.

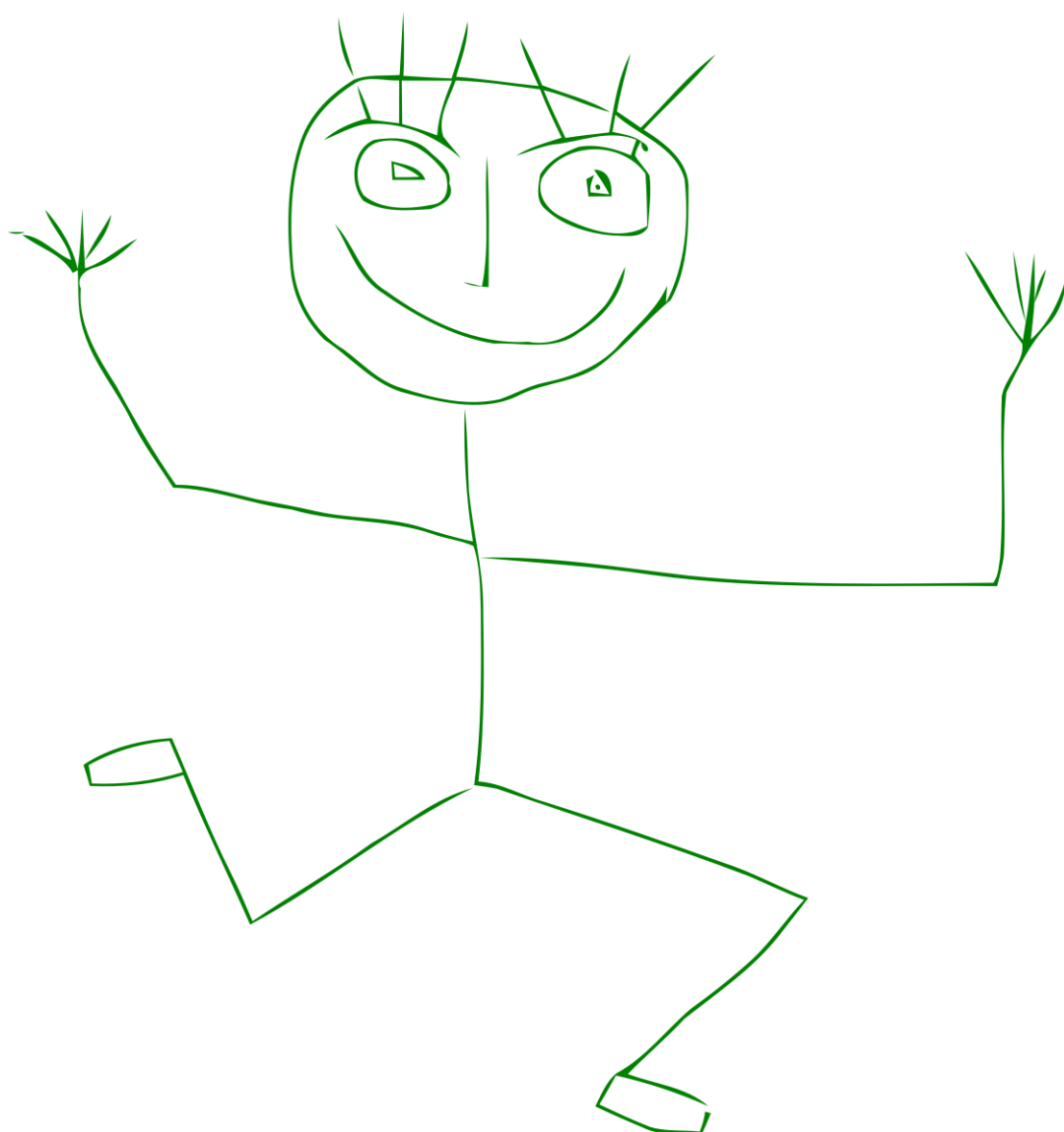

**БЕЛАЯ БРУСНИКА
(ЗИМНИЕ СКАЗКИ)**

Танцующий человечек

Человечек танцевал на песке. А, может быть, на снегу. Солнце смеялось и пригоршнями рассыпало с небес белые, жёлтые, розовые, оранжевые брызги лучей. И человечек смеялся. И пел. Подпрыгивал, щёлкал пальцами, кувыркался, размахивал тонкими ручками и ножками так быстро, что издалика его можно было принять за мельницу. Или за сумасшедшую снежинку. Или за загадочный шар, поющий песни на неведомом уже никому языке.

Больше в мире никого не было. Только смеющееся солнце. И человечек, танцующий на песке. А, может быть, на снегу.

Сказка про Белоснежных Птиц Снежинок

Было холодно. И снежинки больно врезались мне в лоб. Хорошо ещё, что остальную часть лица спасали очки и борода. Хотя и они уже были изрядно заснеженными.

.....

Одна снежинка на лету спросила другую:

-А куда же ты несёшься сломя голову? Разве ты не знаешь, что мы с тобой – родственники (правда, дальние) медленным белым птицам? Их даже за это называют белоснежными.

-А какие это птицы? Где ты их видела? - вторая снежинка от удивления и вправду сбавила ход и закружилась медленно, как пушистый птенец.

-Есть такой далёкий-далёкий город. Он стоит на горе. И весь белый. А в солнечных лучах – он золотой. Он как игрушка. Или невероятно прекрасная шкатулка, в которой спрятано такое важное, что без этого не было бы в мире ничего. Такой это город. Говорят, что там самое близкое к небу место. И там есть птица Голубь. Белоснежный. И он летает над землёй, и видит всё-всё. Если кто-то замышляет зло против другого человека, или хочет обидеть ребёнка, или запустить в мир тёмную искру – голубь машет правым крылом и тихо шепчет своё тайное слово. И от этого души людей светлеют...

-Ууу... Значит, мы с тобой – будто маленькие голубята? Но у нас же нет крыльев. У нас только шесть лапок... А почему ты сказала – птицы? У Голубя есть кто-то ещё? Его друг? Или брат?

-Есть. Наверное, брат. Или сестра. Или любимая. Только, может быть, голубь об этом не знает. Потому другая птица живёт очень далеко. Почти на краю света. Есть такой маленький городок, там где две большие сибирские реки встречаются и становятся одной. А вокруг – только лес. Очень много леса. И вся земля будто укрыта зелёным, жёлтым или белым ковром. Сосны и кедры – зелёные, хвоя осенью – жёлтая, а зимой прилетаем мы – снежиночный народ.

-А птица? Она там где?

-Птица живёт на озёрах. Если на них смотреть с высоты, они похожи на прозрачные голубые слёзы. А зовут птицу Лебедь. Она медленно кружит высоко в небе над озёрами, и иногда протяжно и чуть грустно поёт. Будто зовёт кого-то.

-Неужели Голубя? Так как же? А они.... Ведь им же обязательно нужно встретиться. Иначе... Будет очень грустно!

- Не беспокойся. У тебя доброе сердце, и ты всё сказала правильно. Они встретятся. Обязательно. Когда-нибудь. Но когда – никто не знает. И они будут вместе. Потому что белые птицы в небе и в человеческих душах – очень нужны. Ведь если они улетят, на их место немедленно прилетят птицы чёрные, и тогда – будет очень страшно. А пока есть Голубь и Лебедь

– есть свет и радость. Есть, зачем жить. Не плачь. Они обязательно встретятся.

-Хорошо. Значит, мы – этих птиц – сёстры, да?

-Да. А почему ты изо всех сил врезаешься прямо в лоб этому смешному бородатому человеку, который идёт без шапки и что-то мурлычет себе под нос?

-Нет. Не врезаюсь. Я просто не рассчитала. Я хотела подлететь медленно, и опуститься ему прямо на взъерошенную лохматую голову. Как будто я – корона. Белоснежная. Шестиугольная. Как ты думаешь, он бы обрадовался?

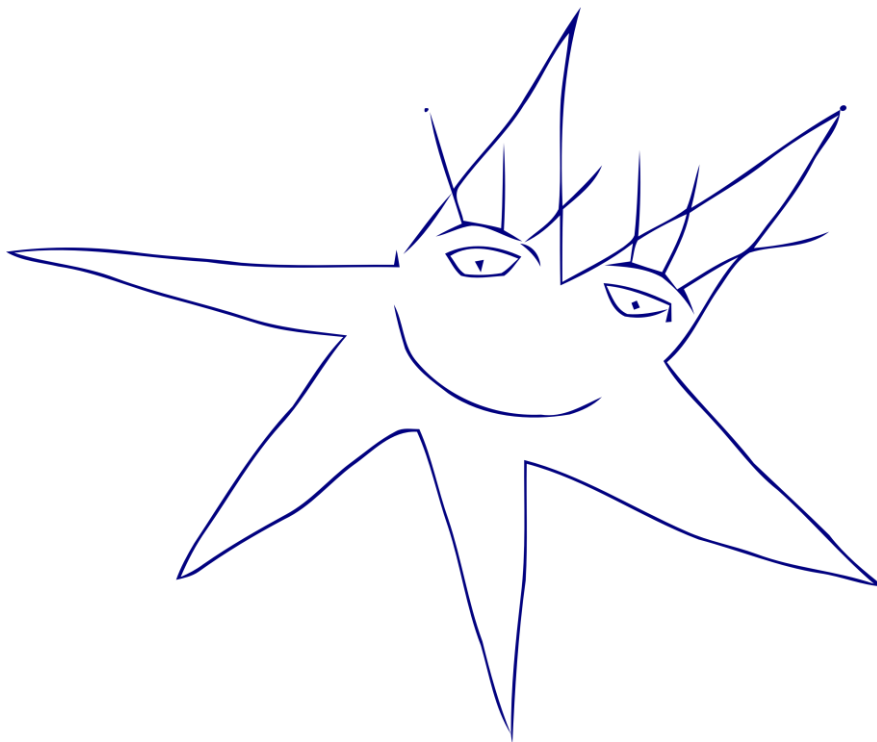
-Угу... Как Снежный Король. Ему только короны твоей не хватало. И так простудится с минуты на минуту.

-Не-а. Он не простудится. Ты разве не слышишь? Он же песню поёт. Он – там, внутри. Внутри песни. В своём, песенном королевстве. Какой он смешной! Ну всё, я полетела. Корона ему просто необходима... Но Голубь и Лебедь ведь правда встретятся? Правда-по правде?

-Правда-по правде. Всё, лети уж скорее... Снежинка-хулиганка...

.....

Нет, видимо, это мне просто показалось. Было холодно, но снежинки летали как-то задумчиво, и совсем не врезались мне в лицо. А одна необыкновенно пушистая большая снежинка, медленно опустилась мне на волосы. Я шёл, глядел на небо, мурлыкал очень хорошую волшебную песню на идиш, и думал о том, что если бы подружился со снежинкой, то обязательно подарил бы ей одно голубиное и одно лебединое перо. Пусть радуется, что она – тоже птица. Только маленькая. И вместо крыльев у неё – шесть распушившихся лапок.

Сказка об огорчённом телефоне

Жил был телефон. Сотовый. Старенький, спокойный и тихий. Он не любил никого беспокоить попусту, поэтому умел делать только две вещи – звонить и отправлять эсмэски. Ну и совсем иногда работал будильником. У него были разные хозяева. Но он со всеми дружил и никогда ни с кем не ссорился.

И вот однажды телефон попал к говорящему еноту. Они тут же подружились. Осенью у телефона была светло-серебристая куртка (хозяева называли её странным словом: «че-хол»), но как-то раз он поскользнулся, выпал из кармана и упал. И на куртке сломался замок. Там, где застёгивается батарейный аккумулятор. Пришлось сменить светлую осеннюю куртку на чёрно-синюю шубу. Тем более, что уже пришла Старуха-Зима, и старенькому телефону было зябко, когда енот на морозе сочинял свои эсмэски.

А потом пришёл Новый Год. Телефон, свернувшись калачиком в нагрудном кармане, тихо гудел про себя свои телефонные песенки и думал: «Сейчас-сейчас! Все всех поздравлять будут...». И вдруг... «Ой! Ой-йой-йой! Я, кажется.... Ло-ма-юсь!!!».

И, представляете? – сломался. Погас экранчик. Умолкли телефонные песенки. Грустно...

.....

Через два дня после Нового Года енот шёл через белый берёзовый парк к своему сыну, и немножечко мёрз. Было холодно – на улице. И ещё чуть-чуть – на душе. Так, самую капельку. Енот достал из кармана телефон. Включил. И он – заррррработал!

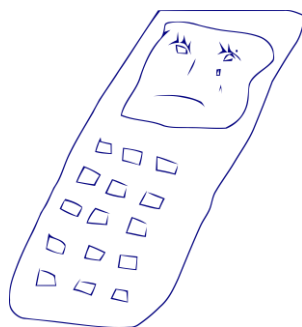
«Уррра! – тихо-тихо, про себя, из всех сил завопил енот. – Ты – живой! И – светишься!!!».

И енот написал хорошим людям хороших эсмэсок. И все были рады. И всё кончилось хорошо. Бы... Если бы не одно «но».

Когда енот зашёл в подъезд старой каменной шестиэтажки, где под самой крышей жил его сын, и, решив узнать сколько сейчас времени, посмотрел на телефон, – у него на мгновение перехватило горло. От жалости. Всё лицо телефона было покрыто мелкими прозрачными капельками. Телефон плакал. Он огорчился. За то, что сломался в Новый Год. За то, что мир – сделался опять маленьким. За то, что вместо праздника – нагрудно-карманная тьма. За то, что много хороших людей не получили хороших слов вовремя. За всю свою незадачливую телефоночью жизнь.

Он – плакал.

«Хороший ты мой!» – еле слышно прошептал енот. И погладил его. Как котёнка.

Миндальный снег (воробьиная сказка)

Встретились однажды два воробьишки. Весёлые такие, взъерошенные. Летели по небу – каждый своей небесной тропинкой (А вы не знали, что у птиц в небе свои тропинки есть? Да-да, настоящие тропинки, с жёлто-зелёной травой, ромашками и одуванчиками по обочинам. Только они невидимые для нас. А для птиц – совсем наоборот!). И вот, завидев друг друга, слетелись – поздороваться, побеседовать, посмеяться. А то ведь небесные тропинки такими долгими бывают, что иногда и заскучать можно.

-Привет! Ты кто?

-Я воробей Потап. Из Сибири я. Из тайги. А у тебя почему нос такой длинный и блестящий?

-Здравствуй, Потап. Я – воробей Яков. Из Африки.

-Ух ты! Прямо из Африки? Где негры, водопады и эти... гиппопо... тамы. И там-тамы?

-Ну, не то, чтобы. В общем, водопадов у нас не очень. Фонтаны есть, да. В парках. Ну, и негров хватает тоже. Они по-нашему называются э-фи-опы. А бегемотов, левиафанов и прочих удивительных зверей у нас есть в зоопарке.

-Яша, а у вас там – всегда-всегда жара?

-Это не жара, Потапчик. Я это называю просто – солнышко. От него тепло и светло.

-Я-ша... А ты знаешь, что такое зима? Снег? Как огромные кедровые ветви засыпают, укутавшись снежными пледами и во сне бормочут свои лесные истории?

-Потапчик, я... как сказать... Я вообще-то знаю... Немножко. Мне мама рассказывала. У нас тоже есть такой город, где бывает снег. Иногда. Он просто очень высокий, этот город – к небу ближе, наверное. Но я ... сам никогда не видел. Я только – солнышко знаю...

-Жалко. Снег – он знаешь какой интересный! Он на солнце сверкает, как тысяча маленьких-премаленьких бриллиантов. Только вот – холодно...

-А знаешь что, Потапчик! Я придумал! Урррра!!! Я тебе хочу подарить один такой... ша-лах-мо-нэс. Значит – подарок, гостинец. Вот.

-Что это, Яш?

-Это – ман-да-рин. Кусочек солнышка. Это – тебе. И всем твоим. Чтоб у вас не было холодно!

-Ух ты! Спасибо... Настоящий! Кусочек солнышка! А я ... а мне – нечего тебе подарить... Вот, блин... Яша! Яша! А вот – я тебе подарю. Это фотография, где наши деревья ... кедровые стоят как раз. И у них все лапы в снегу! Вот – это тебе.

-Потап. Пойжди, подожди. Это же... Я такое уже видел. Только у нас. Потапчик! (торжественно и чуть нараспев произнёс воробей Яша). Я понял, где я это видел. Это – цветёт миндаль.

Спасибо, Потапчик.

Ты подарил мне миндальный снег.

Сказка про беленькую белку Наташу и Гнесинный Лес

Весна опустилась на белый город как кисточка художника на нетронутый холст.

-А у меня тоже есть кисточки! На ушах. Только они маленькие... - задумчиво сказала Наташа.

Беленькая белка Наташа и бурундук Остап сидели во дворике старого кафе и пили головокружительный турецкий кофе. Остап несколько дней назад приехал из Сибири. И любопытно осматривался вокруг. После снега и морозов ему всё - пальмы, попугаи - казалось празднично-необыкновенным.

-А у меня кисточек нет, - выпустив пушистое кольцо дыма, похожее на ухо слона, сказал Остап, положил сигарету в пепельницу и стал смотреть в небо. Ухо слона тем временем улетело на невероятную высоту и пристроилось к низко плывущему облаку, похожему на слона с оторванным ухом. - Зато я читал в Википедии, что есть такой зверь - белка бурундуковая. Она как-то, правда, называется очень мудрёно... Сейчас... вспомню... тамасци... циурус... гудзоникус, вот! И я почему-то думаю, что я из таких как раз белок. Бурундуковых. Мне даже про это сон снился.

-Гудзоникус? - удивлённо заморгала длинными ресницами Наташа. - Ты что, с Гудзона? У тебя мечта - сон... Ой-йой!

-Не-а! - улыбнулся в бороду Остап. - *Тамасциу... рус гудзоникус* - так наша полная фамилия. Значит - из страны Рус. России. А Гудзона здесь никакого и рядом не протекало. Это же просто ГУТ ЗОНГ значит. Хорошая песня. Которая всем нужна. Без которой жить неинтересно. Ты же, Наташа, и сама эти гутзонги поёшь. Значит, ты тоже из наших.

-Ага, - вздохнула Наташа и грустными глазами посмотрелась в чёрное зеркало кофе в белой оправе фарфоровой чашки. - Остап... А ты слышал когда-нибудь про Гнесинный лес?

-Какой-какой? Н-нет... Я Кедровый знаю только. В Долине Ручьёв. Там мой дом. Моя Родина. А твой... Гнесинный лес, он какой? Волшебный?

-Да. Наверное. Там моя Родина. Мой дом. Там было светло, ясно и солнечно. Там было жить - как... как в живой книжке с картинками. Где каждая страница - особый мир. С новыми встречами, радостями, удивительными вечерами, песнями, музыкой. Я не знаю как это точно назвать - Страна Детства, может быть. Только книжка закрылась. Пришёл кто-то и унёс её в тёмный чулан. Я уже давно живу в белом городе, и порой думаю, что Гнесинный лес мне приснился. Как тебе - сон о бурундуковых белках... - и Наташа улыбнулась. Словно белое беличье солнышко.

- Наташа... - спросил Остап, закуривая новый «Честерфилд». - А почему он, твой лес, так называется?

-Ой, это странная история... - махнула лапкой Наташа. - Понимаешь, мне рассказывали, что когда-то давно - в этом лесу росли почти одни осинки. Говорят, осина - тревожное, печальное дерево. Ну и что? А разве не бывает тревожных и печальных, но хороших людей? И зверей? И эти осинки были невероятно прекрасны. Осенью. Они стояли, как золотые свечи неведомого никому праздника. И звенели листьями. Как колокольчики, как струны арфы или гитары. Как гениальная музыка осенней тишины. И однажды мой учитель сказал мне, что Гнесинный лес -

это Гениальный Необыкновенный Осенне-Осинный Лес. Вот как. И я до сих пор люблю ту осень. С золотиночным зазеркальем и ласковыми лучами летящих листьев...

-А почему ты думаешь, что этот лес – он только во сне? К тебе в белый город разве никто оттуда не приезжал? В гости? – спросил Остап, отстукивая лапой по столу ритм какого-то медленного бурундучиногo блюза.

-Приезжали, Остапчик, почему нет? Хомячок Паша приезжал, песни пел...

-Иньков??? – обрадованно захлопал глазами бурундук.

-Н-нет... Почему Иньков? Хомячок Паша... Львёнок его фамилия. Как в сказке Сергея Козлова. Паша славный. Песню для меня сочинил. Мы её вместе пели. Даже на Ютьюбе песня эта выложена. Слова там такие... пронзительные. В припеве... «Хорошая ты...» - вот такие слова. Ещё он мне меховую курточку привёз с этими словами. Ну, надпись там такая на куртке.

Ещё белая медвежонка из Гнесинного леса тоже приезжала. Ложкой снег мешая... – улыбнулась, как улыбаются, вспомнив что-то очень хорошее, проговорила Наташа. – Мы с ней такую песню пели. Сейчас... – и, чуть прихлопывая в ладоши лап, – запела глубоким контральто:

*Всю жизнь я был, я всю жизнь был из бездомных зверей
Всю жизнь я был, я всю жизнь был из бездомных зверей
Всю жизнь я был, я всю жизнь был из бездомных зверей
Потому что я был – евр....*

-Евражка? – улыбнулся Остап.

-Кто такая эта евражка? – удивилась Наташа.

-А это такой зверёк. Из чукотских сказок про ворона Кутху. Вроде нас с тобой, только северный. Суслик она. Вот кто. Весёлый, неунывающий бродяжка.

-А-а-а... Тогда так песню правильней петь, – и Наташа снова запела:

*Всю жизнь я был бездомная дворняжка, тьфу... нет... бездомная бродяжка,
Потому что я был – евражка!*

-Класс! – засмеялся бурундучинный евражка Остап. – Это вы с белой медвежонкой пели, да? А как такая песня называется?

-Ну... негритянская это песня. Вот ты любишь и поёшь блюз, а это называется – спирит...чуэл. И гос-пел ещё.

-Спирит! Я знаю!!! – весело завопил Остап. – Это же по-негритянски – спирт! Спирт чуял!!!! И – госпел! Значит: гость – спел!!! Он почуял спирт и спел! Это же наша песня негритяско-сибирская!!!!

-Ой, Остап-Остап! Баламут ты... негритянско-сибирский... – вздохнула Наташа и глаза её снова стали грустными, как осенние озёра.

-Наташа... – тихо и серьёзно сказал Остап. – Ты опять вспомнила про Гнесинный лес? Не грусти.... Точнее нет – грусти, грусти! – и очень скоро всё выгрустишь. Это же такой блюзовый закон. А ещё – знаешь, я стихотворение написал. Для тебя. Про то, что – что бы ни было с нами в жизни, какой бы кофе мы не пили в этом странном и иногда страшном мире, у нас всегда есть песни, сказки и сны. И из них нас никто и никуда увезти не сможет. Вот стихотворение:

Турецкий,
Горячий,
Головокружительный кофе.
Белый свет, неудержимодвигающийся
К катастрофе.
Забытые беличьи сны
В дупле старой сосны,
И удивлённоглазый одуванчик.
Доверчиво оглядывающий мир,
В котором он отменил зло.

-Одуванчик... - прошептала Наташа. – Из Гнесинного леса.

Небо над белым городом звенело, как лесной колокольчик. И по этому ослепительно синему небу медленно и торжественно плыли одуванчиковые пушинки.

Пиктопеле и его демон. Сказка белки Веверкелэ

Исааку Башевису Зингеру

Как, разве вы не слыхали ещё эту историю? Да не может быть! Про неё уже все сороки в нашем лесу себе хвосты пробалаболили. Ну, дела-а-а-а...

Хотя... Честно говоря, я сам её узнал только вчера. Откуда узнал? Да Б-же мой! Откуда люди всё узнают? Бегал я, как обычно, по кухне, в одной руке - гитара, в другой - сигарета, в третьей - жбанчик пол-литровый с только что сваренным кофе, в четвертой... Что вы говорите? Многовато рук? Разве? А... в общем - пожалуй, да. Ну да это неважно. Носился, значит я по кухне - вдруг слышу - в окошко кто-то мне хвостом - щёлк-щёлк. Стук-стук. Бим-чири-бом! А хвост-то - рыжий и весёлый. Я и обрадовался - это же моя белка Веверкелэ из Долины ручьёв ко мне в гости прибежала! Впустил дорогую гостью, всю прямо распушившуюся от мороза. Налил ей чашку горячего кофе - (есть у меня специальная такая чашечка, из Иерусалима привезённая, мы её со Стёпой Печкиным в армянском квартале купили), дал ей прямо в лапки козинак с грецкими орехами. И сам примостился рядом со слонёнком Василием слушать. Ибо белка Веверкелэ из тех немногих замечательных существ, с которыми можно было хорошо поговорить. Так, чтобы потом ходить, улыбаться и думать - а что же прямо такого уж жутко хорошего случилось? Ой-ай-йай - это же Веверкелэ приходила!

И рыжая моя гостья (вообще-то шубка у неё уже стала чуть серебристо-серой. Зима, знаете ли...), подув на кофе, хитро прищурилась и сказала:

-Песен петь сегодня не будем. Прости, я чуть охрипла, по соснам прыгая. А сороки-то, сороки.... Все ведь уши прожужжали. И всё про одно. Короче, слушай. Расскажу тебе сказку.

Я и рад. Сказку - это хорошо. Сказку - это я люблю.

-Рассказывай, Веверке! А я тебе ещё пряников достану.

-Ну, слушай!...

Жил себе жил (чтоб, Б-г дал, так жил и дальше) где-то в Москве человек Пиктоп. Никто не знал, как его звали по-настоящему, да он и сам, кажется, не помнил. Знал, но забыл. Про него вообще никто ничего сказать не мог. Такой вот человек. Был у него дом. И в доме был шкаф. А в шкафу стояла коробка с ботинками. Вот с неё-то всё и началось.

А что, собственно, такого началось? Да так, на первый взгляд, ничего. Особенного. Просто пропал у Пиктопеле из закрытого шкафа ботинок. И не какой-там-нибудь ботинок, а левый. Хороший такой, новый ещё, но совершенно мягкий. И ничуть он человечку не жал. Расстроился Пиктопеле. Не плачет, конечно, но - недоумевает. Ну зачем, зачем, ЗАЧЕМ? - и КОМУ? - понадобился левый ботинок? Да ещё и из закрытого шкафа. Погоревал Пиктоп, да делать нечего. Пошёл в магазин, и купил себе другие ботинки. И не знал он о том, что... Дальше про страшное. Рассказывать? Ну, ладно...

У одного из младших демонов Ближнего Мира - назовём его Малахомовэлэ Сорок Седьмой - точно также исчез из его демонского шкафа ботинок. Загрустил малыш. Расстроился. Заплакал. Как без ботинка теперь ходить? Среди своих, демонят-то ещё ничего, а вот среди людей? Сразу же - увидят гусиную лапу вместо ноги, заорут, разоблачат и позовут Рэбэ с его святыми песнями-нигунами, от которых всё внутри дрожит и ужасно трясётся. И придётся опять убегать восвояси. Что же де-е-е-е-л-л-а-а-а-ать?

А... Вот что! Кажется, он придумал. Нужно просто-напросто поскорее отправиться в путешествие по обувным шкафам. И не по демонским, а по обычным. Человечьим. И найти похожий ботинок. "Урррра!" - закричал Малахомовэлэ. - В путе-шествоие!"

Летал он недолго - всего пол-дня. И нашёл. Углядел демонёнок самый замечательный в мире обувной шкаф - у человечка Пиктопеле. Ого-гэй! Йа-ба-бай! Чири-бири-бо-бо-бом! И ботиночек - подходящий. Прямо как на него, малыша, сшит. Надел Малахомовэлэ ботинок. Поболтал в воздухе лапкой. Ой, то есть, извините - уже ногой. Облачённой в самый замечательный в мире ботинок. И полетел. Ему знакомые демоны говорили - тут на Чистых Прудах (да-да, там, где утки плавают... лапки у которых такие же) шинок открыли забавный. ОГИ называется. Рэб Ицкович его держит. Там - ой! - весело бывает - песни - русские, еврейские, цыганские, танцы, пляски, Алик Копыт, Павел Эдуардович Псоев-Короленков, Акустический Жук Иван. Полетел Малахомовэлэ - да по пути призадумался. Жалко ему стало человечка Пиктопа.

"Ничего, Пиктопеле! - подумал он. - Мне ведь всего-то пару дней погулять. А потом пойду, там, у нас, к сапожнику - он мне стачает новую обувь. И не боты, а сапожки. Я тогда тебе приснюсь. Уже скоро. И расскажу, когда и где верну твой ботиночек. Ладно?"

..... через три дня человечек Пиктопеле случайно заглянул в шкаф. И чуть не сел на пол. Там, в шкафу, в коробке - стояли оба его ботинка. Ещё лежала шоколадка АЛПЕН ГОЛД с лесными орехами, листья которых сплетались в причудливые буквы на идиш: АНТШУЛДИКТ. ИЗВИНИТЕ.

Веверкелэ внимательно посмотрела на меня и снова хитро-хитро сощурилась:

-Так сколько, говоришь, у тебя рук?

Крокодил с полу-моим именем (история одного сна)

Я люблю спать. Почему-то в последнее время - особенно. Может, оттого, что постоянно не высыпаюсь. А скорее всего, потому что сны. А сны - это не просто так.

Сны – это когда пространство распахивается и впускает тебя. В совсем иное. Где сплетения твоих и чужих жизней, где странные и пронзительные путешествия неизвестно куда. Где сидишь на чьих-то призрачных кухнях или летаешь в чёрно-синем небе с жёлтыми мерцающими веснушками. Где происходит то, чего никогда не было, но как же не было, когда вот оно? И, просыпаясь, - находишься в двух мирах одновременно; мотая головой, стряхиваешь с себя паутину ещё не сбежавшего восвояси сна, как небесная собака капельки звёздной росы.

Кажется, это было сказано мне именно в одном из снов: «Доверяй миру – и он будет к тебе светом». Я не знаю, почему, но мне никогда не снятся кошмары. Снится странное. И обычно оно - светлое.

Кутаться в сны...

И вот, на днях видел я во сне - и кого бы вы думали? Ну, то есть не на днях, а... на ночах, что ли?

Ой, и не спрашивайте даже. Кого же я ещё мог во сне увидеть?

Вообще-то такое редко люди видят во сне. Некоторые вообще этого никогда не видели. И ничего, живут. А я вот видел. Причём совсем буквально недавно.

Знаете кого?

Крокодила.

Да нет, вы не пугайтесь, он был хороший. Вежливый очень. Сначала поздоровался со мной. Не помню вот только на каком языке. А на каком языке во сне разговаривают с крокодилами?

Очень приличных манер, кстати, серьёзный такой челове... то есть крокодил. Даже в бабочке, кажется. А может, это был шарф. В шляпе с широкими полями. Курил - или трубку, или синий «Честерфилд» - точно не помню. Мы с ним беседовали. Хорошо. О чём-то светлом, добром. Потому что мне хотелось улыбаться, а это - хороший знак.

Я спросил:

-Скажите, пожалуйста, а как Вас зовут? (Мы с ним были на Вы).

Он, улыбнувшись, и выпустив пять дымчатых колечек, тут же превратившихся в забавные рожицы и улетевших к потолку играть в догонялки, чуть с грустинкой ответил:

-Эли. Меня зовут Эли.

-Ой! Мы с вами, что ли, тёзки? - удивлённо выдохнул я.

-Не совсем, мой юный друг. Не обижайтесь, Вы для меня действительно юны. Что мне ваши тридцать лет с хвостиком? Хвостик у меня и у самого есть, - пошутил он, поднял свой огромный чешуйчатый хвост и прощёлкал им мелодию "По улице ходила большая крокодила".

-Дело в том, что меня зовут Элеазар. А вы – Эли, Илья. То есть мы с Вами тёзки наполовину.

И, знаете, Эли, мне - там, где я живу, - одному порой бывает скучно. А ещё я люблю петь. Но когда мимо моего острова пролетают птицы, они смеются и говорят, что вместо пения я просто ору. Как крокодил. И мне становится смешно - ведь я и есть крокодил. Тогда я снимаю шляпу и говорю птицам:

-Здравствуйте, уважаемые. Меня зовут крокодил Элеазар.

А они опять смеются. Наверное, это хорошо - ведь я доставил Б-жьим существам радость. Но порой, знаете, мне очень хочется посидеть вот так в кресле, с хорошей трубкой или синим «Честерфилдом» и хорошим собеседником.

А теперь, Вы знаете, мне, пожалуй, пора. Мы славно побеседовали. Может быть, я приду ещё. И мы даже... ну... не споём, а промурлычем вместе несколько песенок. Ведь вы же не будете смеяться над моей манерой пения. Так что, уважаемый Эли, надеюсь, вы не будете против, если я навещу вас ещё раз. Извините! - сказал мой воспитанный гость, и медленно растаял в синих колеблющихся узорах дыма, оставшегося от его трубки. Или - синего «Честерфилда». А ещё через секунду - весь мой мир исчез. Я - проснулся.

Приходите, крокодил Элеазар. Я приготовлю кофе, куплю блок синего «Честерфилда», вишнёвый трубочный табак. И мы будем петь. Никто не будет смеяться. Потому что петь - это волшебство. А вы сам - немного волшебный.

Приходите, рэб Элеазар. Я буду Вас ждать.

Сказка о лебедином ёжике

- Тук-тук-тук!

- Кто там?

- Это я, - бабушка Рохл-Луна...

Принесла тебе ласковое слово: «Здравствуй!»,
Ведь сегодня всех Магистров Выдумки, Сказки и Сна
Я приглашаю на звёздную ярмарку – в моё царство...

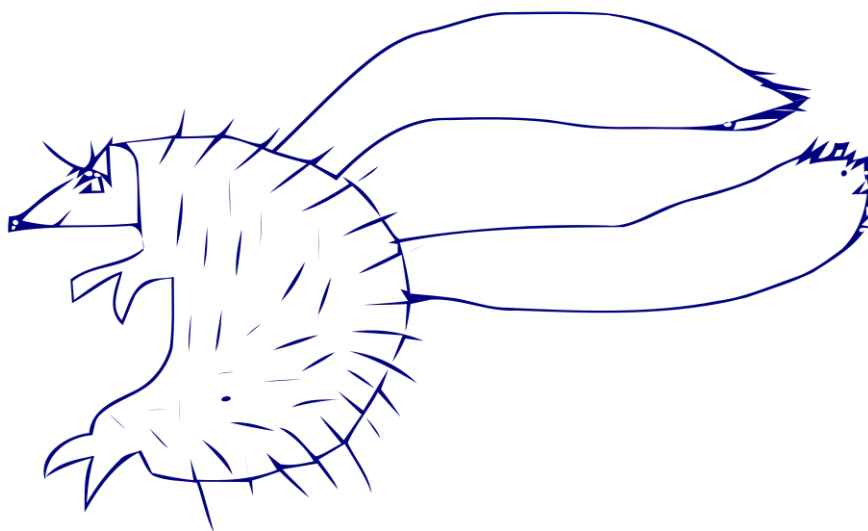
Песня

Жил-был ёжик. Жил себе, жил. По ночам выбегал на тайную, только ему известную поляну, - здороваться с бабушкой-Луной и разговаривать со звёздами. Потому что они были его друзья. Такая вот была у ёжика жизнь. Днём - обычная, ежиная, дневная. А ночью – лучистая, лунная и звёздная. А однажды ёжик превратился в лебедя. Ну, так получилось. И стала у него совсем другая жизнь. Синяя, прозрачная, звонкая. Но по ночам он также здоровался с бабушкой-Луной (теперь он откуда-то знал, что её зовут Рохелэ) и разговаривал со звёздами.

А когда всё-таки ложился спать, то там - во сне - он иногда ёжился. И тогда тихонько бормотал: "Это... это потому... это я когда-то был ёжиком. Или ... ёжик когда-то был мной".

А бабушка Рохл-Луна гладила его по перьям своей морщинистой тёплой ладошкой-лучом и шептала:

"Спи, Ёжинька, спи, птенец! Взъерошенный ты мой"...

Собачонок и море

Вечер только-только забрезжил печальной синевой в просветах белого неба. С неба летели хлопья – пушистые, праздничные, чуть задумчивые. Собачонок Мафусаил, свернувшийся калачиком у дверей подъезда старого деревянного дома, понюхал воздух – пахло декабрём. Он поглядел на небо, вздохнул, слизнул языком севшую ему прямо на нос большущую снежинку и подумал: «А вчера мне снилось море. Синее-синее. И немножко зелёное. Оно было...как... как... не знаю что. Я ведь – к сожалению – никогда не видел моря...».

Вдруг он услышал оживлённые голоса. Двое мальчишек вышли из подъезда; один из них что-то держал в руках – точнее, в варежках, и рассказывал своему товарищу:

-Это, Серёжка, не простая раковина. А такая... хитрая. Я её из Феодосии привез. Называется она – рапан. Такие раковины находят на дне моря. У пирсов и причалов. Они так долго лежат в прозрачной зелёной воде, что научились прятать песню моря внутри. Ну, вот весь этот шум ветра и плеск волн.

-А как это – прятать внутри? Ветер и волны – их разве спрячешь? – недоверчиво переспросил Серёжка.

Мафусаил, насторожив уши, внимательно слушал разговор, и удивлённо проговаривал про себя загадочные и будто пришедшие из его вчерашнего сна слова: «рапан», «плеск волн», «пирсы и причалы».

-Да нет! – объяснял другу хозяин раковины. – Ветер, конечно, не спрячешь. Просто, если эту раковину поднести к уху и прислушаться – можно услышать, как там, прямо внутри неё – шумит море.

-Дай послушать! Пожалуйста! – радостно воскликнул Серёжка, видевший море только по телевизору.

-Не вопрос. На! – ответил мальчишка, приехавший из далёкой Феодосии, протягивая перламутрово-розовую раковину на красной варежке. И тут же громко ойкнул. – Ой! Падает!

И точно. Раковина соскользнула с варежки, и угодила прямоком в сугроб. Совсем рядом с Мафусаилом. Щенок, не веря своему счастью, медленно наклонил голову и прижался ухом к раструбу раковины. И – услышал. Далёкий, возникающий будто из ниоткуда, шум громадного, дышащего свежестью и солнечными переливами пространства, рокот гигантских волн, рассыпающихся у берега водопадами радужных брызг и пригоршнями белой, так похожей на родной сибирский снег, пены.

-Смотри, Серёжка! Щенок... слушает море, – удивлённо проговорил мальчишка в красных варежках.

-Пусть. Он, наверное, такой же как я. И никогда не видел моря.

Пусть слушает. Ему... эта раковина нужнее. Пойдём на горку! – сказал Серёжка, вдруг улыбнувшийся от уха до уха.

-Серёж! Так это же... я тебе в подарок привёз...

-Ему нужнее, – повторил весёлый Серёжка. - Это ему теперь – наш подарок. – Айда!

И мальчишки убежали на горку.

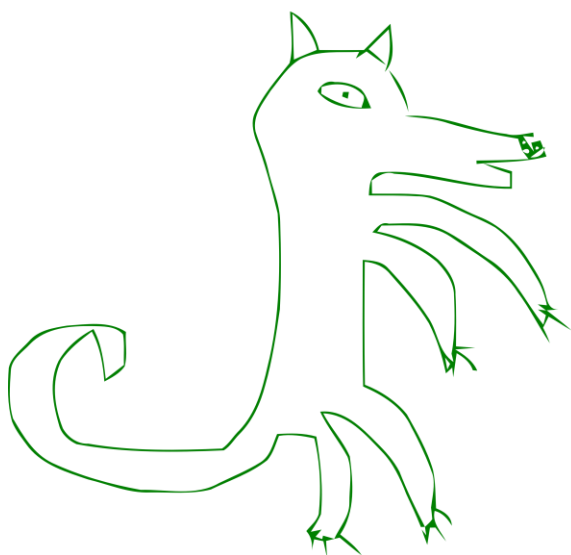
...

Мафусаил лежал у дверей подъезда и улыбался. Серёжка был не совсем прав – щенок всё-таки видел море, хоть и во сне. Но он не мог понять, какое оно. А теперь – понял.

Море – оно сказочное. Удивительное и ласковое.

Собачонок лежал в сугробе.

И слушал море.

Про существо в мохнатой шубе и птицу

поэту александру введенскому

По белому снегу, протаптывая узорчатую тропинку, брело существо в мохнатой шубе.

Оно махало лапами-руками и кричало во всё горло:

-БОБРЫ! ДОБРЫ! БОБРЫ!!! ДОБРЫ!!!

С неба слетела чёрная птица с белой отметиной. Села на снег, удивлённо глядя на существо в шубе, проговорила: "За-чем крррри-чишь?"

Существо оглянулось и пропело:

-Здравствуй, птица.

Как дела?

В птичьем мире

Есть метла?

-Есть! - согласилась птица и покачала клювом. – Мы метём небо. Когда метель.

Тогда существо подняло к небу лапы-руки и вновь пропело:

-О метель, ты птичий веник!

Люди хотят много денег.

Это плохо, это зло-

Как нам всем не повезло.

-А... если, скажем, рисовать цветные картинки... и, например, ... сказки писать? - поинтересовалась птица.

-Птица, ты же молодец!

Ты небесных стран птенец!

Нас будут кусать -

А мы будем писать... – пропело существо, и глаза его замигали, как тяжёлые голубые звёзды.

-Я птенец,

А ты мудрец! - сказала птица, и, медленно махая крыльями, взлетела в свои небесные страны.

А существо в мохнатой шубе - на белых снежных листах, на бумаге лесного снега – стало рисовать цветные картинки и писать сказки.

Может, и до сих пор рисует и пишет.

Половинка мандаринового солнышка (новогодняя сказка)

Мальчик сидел на табуретке в коридоре, и, не мигая, смотрел в окно. Ему было очень грустно и даже хотелось заплакать. Но плакать было нельзя. Когда тебе четыре с половиной года – ты уже мужчина. А мужчины не плачут по пустякам. И поэтому только одна-единственная, почти невидимая слезинка пряталась в глубине его глаз, готовясь расцвести на ресницах горьким солёным цветком. Но Мальчик держался.

-Что с тобой, малыш? - спросил неизвестно откуда взявшийся Взрослый Человек. Он сел на корточки перед мальчиком и заглянул ему в глаза. И неожиданно – хитро подмигнул.

-Я не малыш. Мне уже четыре с половиной... Пять лет. И я жду маму. Она там, в кабинете...

-У-у-у... - смешно сложив губы трубочкой, будто сдувая с ладони одуванчиковые парашютики, прогудел Взрослый Человек. – А когда ты дождёшься маму, вы пойдёте домой? Встречать Новый Год?

-Б-у-у...- будто притворившись игрушечным телёнком, улыбаясь, прогудел в ответ Мальчик. – У нас ёлка. Мохнатая. И там гномы. Я их вчера видел, когда засыпал.

-А хочешь, я подарю тебе солнце? - сказал Взрослый Человек, который вдруг сам показался Мальчику похожим на ёлочного гнома, только очень худого и высокого.

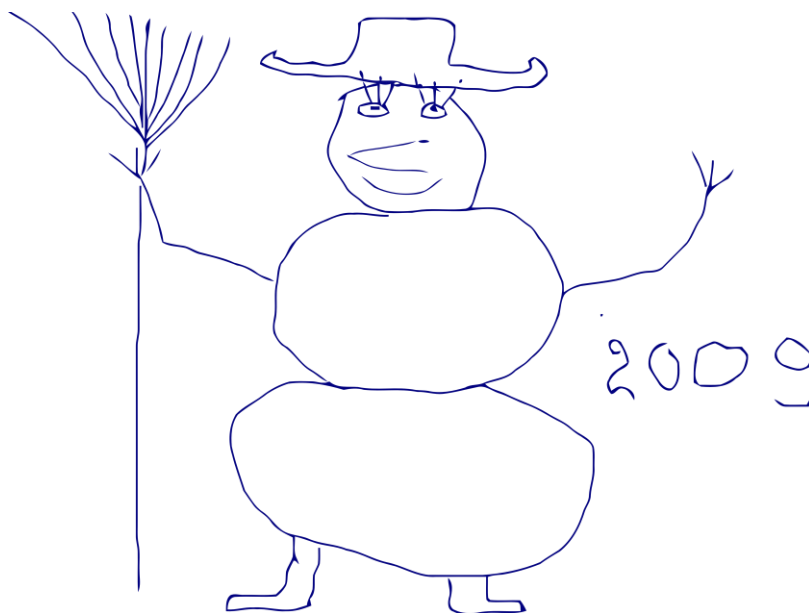
-Мандариновое??? - радостно вскинул ресницы Мальчик.

-Конечно, мандариновое, - улыбнулся Взрослый Человек. И протянул мальчику оранжевое солнышко. Только глаза его почему-то, буквально на мгновение, стали очень-очень грустными.

-Я знаю... я понял,- чуть помолчав, и внимательно глядя на Взрослого Человека, сказал Мальчик. – Вы - гном. Вы живёте под ёлкой. Вы вчера приходили ко мне.

-Да, мой мальчик. Я и вправду живу в лесу. Можно сказать, - под ёлкой, - прошептал Взрослый Человек и посмотрел на мальчика сквозь колечко из пальцев. –Знаешь, если смотреть сквозь такое колечко – никогда не заплачешь.

-Знаю, - сказал Мальчик. - Но плакать и не надо. Вот вам – половинка солнца...

**СОРОЧЬИ СТРОЧКИ
(ИЛЮШКИНЫ ИСТОРИИ)**

Эти волшебные Аппалачи

Ученицу 5-го «в» класса Лунославу Дождинович на уроке географии вызвали к доске. Ну, вызвали и вызвали. Подумаешь, - ужас... летящий на крыльях ночи. Тем более, что Лунослава перечитала почти все книжки о путешествиях и дальних странах - как со своей полки, так и из папиной библиотеки. Маргарита Валентиновна, наклонив свою величавую голову, из-под очков смотрела, как Лунослава идёт к доске, на которой была припиlena канцелярскими кнопками большая карта мира.

-Ну, Дождинович. Вот тебе указка, вот карта. А вот весь класс, который тебя слушает... Петунин!!!! – Маргарита Валентиновна с неожиданной мощью грохнула классным журналом об стол. – Я сказала: СЛУШАЕТ. Ясно?

Расскажи нам, пожалуйста, Дождинович, что ты знаешь про Аппалачи.

-Аппалачи – это горная цепь, одна из крупнейших на североамериканском континенте. Она тянется на много километров с севера на юг. В этой зоне весьма своеобразный климат, и хватает малозаселённых пространств.

-Так, хорошо – удовлетворённо мурлыкнула Маргарита Валентиновна. – Продолжай, Лунослава. А про себя подумала : «Вот пигалица. Чешет и чешет. Интели-ген-ция. Семейка у них, конечно. Ни машины, ни дачи... И шубы у её матери приличной нет. Аппалачи-Аппалачи... Какие ей Аппалачи. Вырастет, поедет в Свинорыльск в ПТУ преподавать. И все тебе Аппалачи...»

-И пространства эти не только малозаселённые, но и весьма загадочные. Иногда одно из них наслаивается на другое и происходят удивительные события, которые официальная наука совершенно игнорирует. Так, к юго-востоку от горной гряды лежит Великая пустыня, прямо за которой – Волшебная Страна. Её столицей является Изумрудный город. Ни в одном учебнике по географии и истории мы не обнаружим сведений об этой стране, а между тем – она обширна, и её история не уступает истории великих держав Европы. Король Страшила ...

-Что? – встрепенулась от своей задумчивости Маргарита Валентиновна. – Ты что, на Петунина обзываешься? Он, конечно, не красавец, но... Тьфу! Дождинович! Ты у доски, а не во дворе на скамейке! Рассказывай по теме!

-Я – не обзывалась. Я – рассказывала. Король Страшила Мудрый со своими товарищами Львом и Железным Дровосеком объединили...

-Ты... ты бредишь? Девочка... я сейчас... в медпункт... – упавшим голосом изрекла учительница и опять закружилась в хороводе мыслей: «Боже! В психушку – прямо с урока. Ужасиков, что ли насмотрелась? Дровосек – Железный... Нет, это же Человек-Паук железный... Или нет... Эх, внучек, внучек... Заморил ты меня своими монстрами...». В сознании Маргариты Валентиновны откуда-то всплыло непонятное и оттого пронзительно жуткое имя – ОТТО ОКТАВИУС, отчего её бросило в озноб. «Фашист какой-то... В концлагерях опыты ставил, что ли?... Брррр... Как бы самой в психушку с урока не схрякнуться».

-Мне не надо в медпункт, – спокойно ответила Лунослава. – Колдунью Гингему раздавил летающий домик Элли – так одно из государств избавилось от тирании...

-Так это сказка? – облегчённо выдохнула географичка («Уррра! Не психушка, не психушка, бе-бе-бе!»). Дождинович, ты обалдела. Извини, конечно, может, это непедагогично («...не психушка, не психушка»! – мысленно пританцовывала Маргарита) – но в сказки в пятом классе может верить только редкостная дура. Я подозревала, что ты ненормальная, но чтобы так... Ну-ну... Дождинович-Андерсен! – издевательски пропела учительница. – Садись. Два. Превратила географию в чёрт знает что. И передай родителям, чтоб следили за тем, что ты читаешь. Уже Маринину вон люди читают. Бушкова. Лук...Лукьяненко, наконец. А ты...

«Отто Октавиус!» – гулко отдалось в голове Маргариты Валентиновны. Она вздрогнула.

-Так. Всё. Урок окончен. Вы меня довели до... приступа. Я в медпункт. Неблагодарные... мерзавцы! – патетически всхлипнула географичка и выбежала из класса.

.....

Около восьми часов вечера в квартиру Маргариты Валентиновны Деревянко, заслуженного педагога Н-ской области, учительницы географии и зам. директора по воспитательной работе школы №1 – негромко постучали. В халате и в шлёпанцах (внука сегодня в кои веки раз забрала эта «распутная мерзавка», как она называла дочь) Маргарита подошла к двери, и, удерживая её на цепочке, открыла.

На площадке стоял какой-то урод. Бомж? Хотя для бомжа он выглядел вполне прилично. Но для нормального человека – слишком аляповато, разнузданно и разноцветно. Жёлтые волосы, торчащие в разные стороны, нос-бульба, идиотская улыбка, какие-то ежесекундно помахивающие туда-сюда руки.

-Здравствуйте! – от уха до уха улыбаясь, сказал урод. – Извините, пожалуйста, – также весело скалясь, продолжал он, – вы не знаете, где мне можно найти Льва?

-А-а-а-а... Вот оно что! Это вам, наверное, Лев Максимович Кац из соседней квартиры нужен, – приторно-приветливо улыбаясь, закивала Маргарита Валентиновна. – Вы что же, ничего не знаете?

(Про себя: «Вечно у этих... Кацев – в друзьях уроды и бомжи.... Музыкант он, видите ли. Философии пп..преподаватель... трёпа даватель. И алкоголик ещё. Хорошо, что свалил в свой Израиль, чтоб ему и там спиться, алкашу очкастому»).

-Лев ваш уехал. С неделю уже. Насовсем.

-Куда? В Волшебную страну??? – заметно нервничая, спросил желтоволосый.

-Что? О, да... Ходил всё последнее время как дур... простите, - как безумец. Всё какие-то книжки с ненашими буквами таскал. И – волновался так, всем говорил: «Еду! Е-ду! Туда... В Волшебную страну. Там – Иерусалим. Е-ду!!!!»

-Иеру...что? – недоумённо переспросил урод. – А! Так это же, наверное, он наш Изумрудный город так называл.

-Ка...какой город? – Маргариту Валентиновну прямо у двери ощутило качнуло.

-Спасибо-спасибо! – радостно махая руками произнёс разноцветный бомж. Теперь я его точно догоню. А потом мы разыщем Железного Дровосека! Уррра!

«Отто Октавиус!» - негромко, но с явно металлическими нотками в голосе, промяукал из спальни котёнок. Маргарита Валентиновна побледнела и начала лихорадочно растирать пальцами виски.

-До...сви... данья. – машинально произнесла она в полуоткрытую дверь.

-А шейнем данк, рэбэцн Деревянко! Блайбт штарк ун гезунт! А гутэ нахт, а зисн халоймэс айх! – почему-то по-еврейски прокричал ей прыгающий по лестнице вниз, как кузнечик, желтоволосый псих.

«А гутэ нахт, рэбэцн Лунослава Дождинович!» - вдруг радостно отозвался прибежавший из спальни и уставившийся прямо в глаза Маргариты котёнок.

-Да! Да! Да! Да! ДА!!! – закричала Маргарита Валентиновна и бессильно опустилась в кресло.

-Большое спасибо, госпожа Деревянко! Оставайтесь крепкой и здоровой! Доброй ночи, сладких Вам снов!

Гитарист и Мальчишка (последний блюз этой ночи)

А звёзды чуть печально мерцали над покинутым всеми вокзалом. Да и не вокзал это был вовсе - маленькая придорожная станция: две скамейки под навесом, избушка смотрителя, наглухо заколоченная отчего-то кельтским крестом, да бескрайнее поле с обеих сторон от железнодорожного полотна.

Дон, старый гитарист, шёл вдоль рельсов и напевал простенький мотивчик про флакон «Белой лошади», который самый лучший его друг. За спиной Дона болталась гитара – когда-то он был неплохим музыкантом, играл в кафе и придорожных закусовых, но давно потерял работу и начал прикладываться к бутылке, что ныне интересовала его куда больше, чем музыка. Но, если есть гитара, – больше шансов, что за пару старых блюзов его угостят бесплатной выпивкой. Так он и бродяжил. Так и жил. Как в бесконечном сне.

Продолжая петь и бормотать себе под нос, он подошёл к станции. И вдруг увидел мальчишку, который сидел на скамейке, обхватив колени руками и будто совсем не слышал его.

-Эй, парень! Ты живой ли?

-Ой ли! Ой ли! Ой ли! - откликнулось на вопрос старого музыканта еле слышное эхо.

Мальчик вздрогнул, и медленно поднял глаза на Дона. Гитарист никогда не видал таких глаз. На первый взгляд - обычные мальчишечьи глаза, только не по возрасту серьёзные. Но через секунду - Дона бросило в дрожь: глаза мальчика были - как разноцветные миры с плавающими внутри звёздами, лучами и искрами, похожими на странных, совсем-совсем нездешних птиц.

-Я? Я - живой, - так же медленно проговорил он, словно продолжая с кем-то свой потаённый, неслышимый никому разговор. - А ты? Ты ещё слышишь музыку, Дон?

Как тогда? С бабочкой?

.....

В старом кафе, на низкой маленькой сцене, перед немногочисленными посетителями играл музыкант. Задумчиво перебирал струны, не отводя взгляда от грифа своей гитары. Играл он негромко, но люди в кафе, только что оживлённо обсуждавшие курсы валют, цены на нефть и недвижимость, - вдруг почему-то притихли. Каждый из них сидел за своим столиком, и, - вот странно, - в это же время где-то путешествовал. Кто-то - по местам своего детства, кто-то - вспоминал маму, кто-то - самых лучших друзей, которых уже нет. Словно Небо тихо распахнулось и забрало всех, кто сидел в кафе - туда, где они НАСТОЯЩИЕ. И по лучам тихих гитарных переборов люди уходили в ту страну, которую они всю жизнь прячут внутри и боятся показать другим. И на их измученных, нервных, колючих

лица вдруг начали расцветать улыбки. Такие, как солнышки. О которых они сами давно забыли. И им было светло...

Когда гитарист закончил играть, он улыбнулся, как в последний раз, всё также глядя на гриф своей гитары, помахал кому-то в пустоту рукой, и устало закурил. К нему подошла юная девушка, почти девочка:

-Спасибо. Это было... Я даже не знаю... Что вы играли? Как вам это удалось?

-А вы разве не видели? - удивлённо вскинул брови музыкант. - Просто ко мне на гриф села разноцветная бабочка...

.....

-Да, - сказал Дон, потёр себе висок и виновато улыбнулся. - Я помню.

Я ... Я сейчас сыграю тебе, мальчик.

И достал из чехла гитару.

Первые звуки были такими тихими и мягкими, что казалось - это чуть слышно запела тишина. Так кошка входит в незнакомый дом - крадучись, бесшумно, но зорко. Прошла секунда, десять, пятнадцать - и весь мир наполнился звуком, летевшим будто из ниоткуда.

В никуда.

А ещё через минуту - и мальчик, и гитарист медленно растворились в черничном сумеречном воздухе.

Это был последний блюз этой ночи.

Город Зброшин

...Город был пуст и брошен – ни людей, ни собак.

Он вошёл в старый деревянный магазин с выцветшей вывеской: «Книги». Как ни странно, внутри магазина книг не было, хотя ветхие стены подпирали разошедшиеся явно книжные полки. Впрочем, нет – в разделе «Юмор» всё-таки лежал потрепанный томик. Он взял его в руки, прочитал на корешке полустёршиеся буквы: «Протоколы сионских мудрецов». «Ну что ж, - подумал он, - может быть, может быть»...

Выйдя из книжного, - увидел на другой стороне улицы рекламную тумбу, на которой висело единственное объявление: «Водка ИСТОК – самая чистая водка в мире».

В этот момент прокашлялся чёрный, сталинского вида репродуктор на ближайшем фонарном столбе. После двухсекундного хрипа и бульканья репродуктор чистым детским голосом торжественно пропел: «От чистого истока в прекрасное далёко, в прекрасное далёко – я начинаю путь».

«Да, - подумал он, - может быть, может быть»...

И ушёл из города навсегда.

Несказка о сбежавшем детстве

Это бывает со всеми. По-разному. Кто-то этого не замечает вообще. У меня было странно. Светло, грустно и безудержно. Мне было 12.

Юрмала, Каугури, лето.

Меня из Ханты-Мансийска часто отвозили на всё лето или в Феодосию, к бабушке Фае и дедушке Осе, или в Ригу, где у деда Андрея и бабушки Тамары ещё с послевоенных времён была построенная своими руками дача в Каугури. Отвозили порою надолго – с мая по сентябрь. А папы с мамой – не было. Они работали, у них не совпадали отпуска и, как это всегда случается, было много своих взрослых дел. А я – их ждал. Когда они приезжали – это была радость. Праздник с широко открытыми глазами.

А вообще я был один. Может, с тех пор я и научился отстранённо и спокойно переживать случайное одиночество. Читал книжки. Ездил в соседние посёлки со странными названиями Вайвари и Майори на синем велосипеде «Аист», подаренном дедом Андреем. Сворачивал с велосипедной дорожки в лес, ложился у сосны, смотрел в небо. Ел чернику. Нет ягод вкуснее, чем лесная прибалтийская черника, которую ешь, глядя, как сосны качают вершинами, сходящимися в вышине в прозрачно-зелёный игольчатый купол.

Там же, на даче, я познакомился с чудесной еврейской девочкой из Москвы, Аллой Айбиндер. Она с родителями жила тогда в Олимпийской деревне. Мне было 12, ей 11. Мы подружились, играли вместе. Нам было хорошо вдвоём. Но она скоро уехала, и я опять остался один. Позже, в 1989-м, я получил письмо из Израиля. Оказывается, её мама увезла семью туда. Мы переписывались, потом след потерялся. Где же ты, Алла? Славная цветная картинка моего тихо-тихо сбежавшего в память детства...

В тот вечер я, как обычно, лёг спать. В детской комнате, где мне был знаком каждый сантиметр. МОЕГО пространства. Где в сумерках олень, нарисованный на старом, послевоенных времён ковре над кроватью, начинал медленно кивать головой и тихо разговаривать со мной. Где в тумбочке лежали детские книги, купленные ещё в 50-х-60-х, которые я читал из года в год и мне не было с ними скучно. Это были не просто книги. Это были мои друзья. Где у зеркала важно восседал игрушечный обезьяненок Яша с головой, сделанной из деревянного шара, обшитого тканью – Яшина голова очень больно тюкала по моей, когда я, бывало, заигрывался и начинал на диване устраивать с обезьянёнком борцовский турнир. Но я никогда на него не злился. Это же Яша – как на него сердиться? Он был мне как брат.

Я засыпал в СВОЁМ мире. Мне было хорошо в нём. Это был МОЙ ДОМ. А ещё – буквально позавчера приехала мама, и радостнее события трудно было придумать.

Я сомкнул ресницы. Во мне зашевелились картинки, фигурки, слышались шорохи, шёпоты, разговоры. Я видел сны. О чём – не помню. Но это были очень интересные сны, с удивительными приключениями и неизведанными пространствами, которые таили в себе ожидание тайны. Чуда, праздника и радости. Я ушёл туда, в страну, которая у каждого внутри. На всю ночь.

Как известно, ночью время совсем не такое, как днём. Ночное время – хитрое – сжимается, переливается, мерцает. Может пролететь за

мгновение, а может растянуться на пол-жизни. Но, каждая сказка, как и жизнь, когда-то кончается. Это грустно, но это так.

Я проснулся. В окно влетали утренние нарядные солнечные лучи, шелестел ветвями яблочный сад у дома. Всё было хорошо. Я лежал и просто глядел на мир. И – до сих пор не могу забыть это чувство, разделяющее, разрывающее, разрубающее судьбу надвое.

Как-то очень просто и буднично, и вместе с тем отчаянно и возмущённо я ПОНЯЛ. Что – детство – кончилось. Что его – БОЛЬШЕ НЕ БУДЕТ. Будет много другого, и, может быть хорошего, но его – не будет больше. Никогда. Насовсем. Будто что-то умерло внутри.

Я кинул быстрый, ещё на что-то надеющийся взгляд. На свою детскую. Ведь это же МОЙ МИР???!!! Нет. Уже не мой. Он - умер.

И я понял – в этой комнате выросал мой двоюродный брат Андрей. Вырос. Моя родная сестра Наташа, что ныне перебралась в Ришон-Ле-Цион. Выросла. А я? И я – тоже??? И ничего уже не вернуть. Навсегда. Какое страшное слово.

Проклятая ночь!

Через секунду я заплакал. Не навзрыд, не яростно, не обиженно на мировую несправедливость. Просто – мне стало очень горько, и эта горечь подкатила к горлу, к носу, к зрачкам. И потекли слёзы. Как течёт летний дождик на ладони мальчишек, которые не знают о том, что и этот дождь, и этот день убегает от них навсегда. Я плакал горькими (почему-то они не были солёными; я отчётливо чувствовал на губах горечь) и светлыми слезами, они медленными ручейками стекали по щекам, и падали на подушку. А в голове у меня крутилась, как заезженная грампластинка, только одна фраза: «Кончилось... детство... Кончилось. Кончилось детство...».

Я плакал. Я прощался с ним. Я знал, что теперь плакать мне не придётся. Нельзя. Мужчины не плачут. А пока – можно. Это – утро прощания.

Через несколько минут в комнату заглянула мама. «Доброе утро, сынок! Ой... Илюшенька... Что с тобой? Ты плакал?»

«Ничего, мама. Всё хорошо. Теперь уже правда – всё. Доброе утро, мамочка».

И она села на мою кровать и долго гладила меня по голове. И слёзы – высохли.

Мне было 12 лет. Но я уже ПОМНИЛ, что это было. Каждая сказка когда-то кончается.

И детство кончилось. Сбежало. В память и песни.

В 1991-м, в Свердловске, мой сокурсник по Университету и хороший знакомый Лёшка Пономарёв, поэт и музыкант, придумавший группу с загадочным названием NTТА Та Loona , подошёл ко мне и сказал: «Илья, спасибо тебе за эту сказку». «За какую?» - удивился я. «В которой ты проснулся однажды в 12 лет, заплакал и понял, что детство кончилось. Мне моя Катя рассказала, а ей твоя Света». «Лёшка! Это – не сказка. Это – так было. По правде!» - сказал я.

«Так это же ещё лучше» - улыбнулся Лёшка. И ушёл.

Стёпин Вольф

*Степану и Вере Печкиным и их сыну Эрику,
живущим в Гило, на окраине Иерусалима. И собаке Михолаю*

Стёпа шёл по заброшенной стройке, - медленно, задумчиво. Трубка в его руке уже почти погасла, но он, казалось, не замечал этого, бормоча себе под нос какую-то странную распевную песню. Вдруг его неудержимо рвануло вперёд. «Ой! - удивлённо подумал он. - Что это?». И увидел - оказывается, на его правую руку намотан поводок, а на поводке, обернувшись к нему и улыбаясь от уха до уха - огромная собака.

-Ты... кто? - чуть помедлив (-а не снится ли мне всё это, а?-) - проговорил Стёпа.

-Я? - хриловатым глубоким голосом ответил пёс. - Я - вольф.

-Кто-кто? - Стёпины брови медленно поползли вверх. - Волк?

-Вольф. Вервольф.

-Бер-Вольф? Ты - медвежий пёс, что ли?

-Да не-ет, - засмеялся медвежий пёс. - Медведей у нас в роду и не ночевало. Вервольф. Верин Вольф. Ну, знаешь - Балин. Двалин... Эрик, Берег... Оберег, берегини... Эрин... Верин...

- А... а куда мы с тобой пойдём? - спросил Стёпа, которому на мгновение показалось, что он знает эту весёлую собаку уже целую вечность.

-Подожди минуту! - засмеялся вервольф. - Москва не сразу строилась...

Ровно через минуту они вышли к окраине города. Стройка кончилась. Впереди расстилалась огромная травяная равнина с озёрами редких перелесков. Они шагали. Вместе.

-Гило, - ни с того, ни с сего пробормотал Верин Вольф.

-Чего говоришь? - переспросил Стёпа.

-Гилозоизм, - пояснил пёс.

-А-а... Это точно, - рассеянно ответил Стёпа, глядя по сторонам.

Травы раскачивались и звенели. Солнце скользило к горизонту, бросая в мир предвестие закатных сумерек.

-Ну вот, - чуть вздохнув, сказал вольф. - Мы почти пришли.

Перед ними вырос большой зелёный холм. Холм как холм - ничего особен... Не успев подумать про это своё «ничего особенного», Стёпа увидел, как из глубин холма вверх поднимаются полупрозрачные неведомые существа. И чуть покачиваясь из стороны в сторону, медленно движутся к нему. И светятся.

-Ха! Сиды!!! - удивлённо-радостно прошептал Стёпа.

И засмеялся.

Папа! Они летят...

Вечер. Выходим из дома с Федей. Федя – это мой сын. Ему уже десять. У каждого из нас – по игрушечному пистолету, у него в кармане серебристый «ястребок» – модель истребителя, похожего на странную сонную птицу. Мы идём не просто гулять. Наш поход называется «Путешествие». С большой буквы. Потому что мы отправляемся исследовать неведомые и загадочные места, начинающиеся сразу за городом.

Там – дикая трава по пояс. Там – старые гаражи. Там – затонувшие в заброшенных курганах песка и гравия озёра. Там – Кладбище Погибших Автомобилей. За проволочной сеткой – два огромных белых мешка. «Пойдём, посмотрим!» – говорит Федя, и мы тихим шагом приближаемся к таинственным мешкам. Ввввууфф! – а около них уже танцует огромная чёрная овчарка, не спуская с нас глаз. «Собака! – говорим мы. – Мы не злые. Мы просто отважные путешественники. И совсем не хотим забрать твои мешки. Нам просто интересно». Собака молчит. Смотрит.

Идём в другую сторону. Взбираемся на холм – видим скелет когда-то белого автомобиля, крыша и двери которого аккуратно прошиты двумя-тремя ровными отверстиями. «Из автомата, что ли?» – шепчет Федя. Я с мурашками по загривку, соглашусь. Из-за дальнего холма, прорезав тишину стремительным шуршаньем – взмывают несколько огромных ворон. Как жирные крылатые куски чернозёма. Уходим.

Идём к дальнему озеру. Федя вспоминает про собаку. И спрашивает, водятся ли здесь духи. Я отвечаю, что мы же мирные путешественники, и поэтому – нас никто обижать не будет. Ррру—аааахх! – краем глаза замечая уже знакомого нам чёрного пса, прыгнувшего к Феде. Мальчишка, не ожидавший такого духа в собачьей шкуре, в первую секунду перепугался – «Ой!» – и прижался ко мне. А я начал разговаривать с собакой. «Собака, здравствуй! Ты же хорошая. А мы – отважные путешественники. Помнишь, мы с тобой разговаривали, там, у белых мешков?» Собака кивает. И улыбается. Я говорю: «Федя, ты ей понравился. Она тебя нюхает». А Федя: «А ты – ей. Она теперь нюхает тебя, папа». С собакой мы подружились. Она оказалась доброй. Мы так её и называли – Добрая Чёрная Собака. Она побегала с нами, а потом, когда мы возвращались, забежала к себе, за проволочную сетку. Да-да, к своим таинственным двум белым мешкам.

С холма глядим на озеро. Над озером стоят столбы с натянутыми высоковольтными проводами. А на проводах сидят птицы. И в верхнем ряду, и в среднем и в нижнем. Федя смотрит, шепчет что-то. И вдруг уверенно говорит: «Си, си, до, ре, си». И поясняет: «Это же ноты, папа».

Да, гном Фёдор Ильич. Ты, как всегда, прав. Это крылатые ноты. Это – тихая мелодия этого Путешествия. Где было много хорошего, странного и интересного. Где была Добрая Чёрная Собака. Где были Непонятные Белые Мешки. Где травы и кусты были, как в первобытных джунглях...Когда мы шли обратно в город, Федя указал рукой на небо, где еле виднелась птичья россыпь, и закричал: «Папа, смотри! Они летят... Наши ноты летят!»

Пусть летят. Счастливого пути.

Кедровый гостинец. Несказка о добром Лесе

Я всегда говорил, что лес – живой. Большой, мохнатый и добрый. И обижать его нельзя. Потому что, когда ты в него заходишь, он сначала внимательно вглядывается в тебя: «Эй! А ты что за человек? С хорошим пришёл?», а потом – впускает. Как усталого городского странника, которому нужны сказка, покой и уют. Прислушаешься – все шёпоты, шелесты, шорохи тебе станут понятны. Это лес с тобой разговаривает. Приглядишься – а он не просто ветками размахивает во все стороны, а ладошками листьев да лапами сосен-кедров тебе машет – приветы свои зелёные и солнечные передаёт. А белки – те вообще концерт для тебя устраивают. А может быть, даже цирк. Белки – они ведь акробатки. И жонглёрки ещё. С кедровыми шишками в лапках стремительными рыжими молниями носиться с дерева на дерево, от корня до вершины – этого ни на одной арене не увидишь. Хороший лес, добрый, живой. А один мой товарищ мне не поверил. И вот что из этого получилось.

Конец 90-х. Ханты-мансийская осень. Когда мир становится ясноглазым и чуть печальным, по ветру путешествуют прозрачные паутинки, а ковёр из листьев – ещё не соткан. Когда воздух звенит, и эту тихую музыку – не хочется спугнуть неосторожным громким словом. Когда уличные собаки – по совершенно неизвестным для нас причинам – становятся добрыми.

Мы с товарищем, взяв в универмаге бутылку недорогого красного вина, ушли из института, где я тогда работал, на окраину города, граничащую с простирающимся на многие десятки километров лесным царством. Прошли лог, опушку. Комаров уже не было. Хорошо! Шли, разговаривали. По пути подобрали кедровую шишку, уже побывавшую в лапках у одной из многочисленных лесных циркачек беличьего народа, самозабвенно шнырявших туда-сюда где-то на вершинах деревьев, скрытые от нас густым хвойным облаком. Идём дальше, щёлкаем орехи. Свернули с тропинки, прошли чуть вглубь. Выбрали место. Под двумя высоченными кедрами – маленькая полянка, на ней – удивительная подстилка из пожелтевших старых игл, мягких как бахрама у индейских штанов, которые шила мне, 5-летнему, мама на утренник в детский сад. На краю полянки – склон, поросший мелким, будто игрушечным подлеском. Сидим, открыли вино, закурили. Сначала молчали – а как в таком месте не молчать... Потом товарищ начал рассказывать мне истории из своей жизни – в основном печальные. Я одним ухом слушал его, другим – лес. Честно говоря, лес – рассказал мне больше.

Под окурки, пробку от бутылки и прочее я приспособил пустую сигаретную пачку. И сказал товарищу: «Лес – живой. Его обижать нельзя!». Он засмеялся: «Да глупости это всё, Илюха...» – и, – скорее всего, случайно – не удержал в руке пачку; она покатила по склону, усеивая его окурками, горелыми спичками и смятой фольгой.

Тут я заворчал, как угрюмый Лесной Старик. И полез всё это безобразие собирать. Собрал, сложил обратно в пачку, вернулся на место. Ещё раз говорю – не дело это, нас в гости пустили, а мы Хозяина обижаем. Он нам даже шишку лапами белки скинул (которую мы уже, впрочем, сгрызли и не отказались бы от ещё одной), а мы у него дома раскидываем окурки. Товарищ в ответ: «А-а-а... перестань.. ерунда всё это!». «Ерунда?» – переспрашиваю я. И вдруг – слышу тихий-тихий, тонкий свистящий звук,

приближающийся по нарастающей. Буквально через две секунды мне по затылку – хххлопп! – что-то прилетает сверху, и скатывается прямо на колени. Что бы вы думали? Шишка. Настоящая, огромная, удивительная кедровая шишка, абсолютно свежая, и даже не тронутая лесными хулиганками-белками!

«Вот видишь!» – повернулся я к изумлённому товарищу, который несколько секунд просто не мог вымолвить ни слова. Потом, конечно, мы, радостные, начали щёлкать орехи с этого замечательного лесного гостинца. Допили вино.

Когда уходили, я обернулся на нашу полянку. Она была точно такая, как и до нашего прихода. И лес на прощанье помахал нам своими кедровыми лапами.

Лес – он добрый. Живой, весёлый и мохнатый. Как щенок. Так как же можно его обижать?

Как я стал взрослым, или льдинка за шиворотом

Когда я был маленький, а мир большой - Новый Год был волшебным стариком. Он наступал, улыбаясь. И весь огромный мир - искрился, переливался, смотрел на меня добрыми, как у лошади, глазами. Со всех огней уличных и дворовых ёлок. С домашних гирлянд. И с праздничных огоньков в глазах мамы и папы.

Было время-чудо. Оно было живое, настоящее и жило у меня под двухэтажной деревянной кроватью. Может быть, оно называлось детство... Но - какая разница, как оно называлось?, - если его можно было погладить по мохнатому загривку, и оно в ответ гладило тебя звёздными искрами со всего огромного мира.

Потом я рос. Мой мохнатый друг, живший под кроватью - делался всё меньше. И мир становился меньше. А однажды - может, с первой сигаретой? - или когда навсегда уехала мама? - раздался негромкий, но абсолютно беспощадный стеклянный звон. Он исчез. Совсем. Я искал его во всех двух наших комнатах, и даже в кладовке. Он ушёл. Куда-то к себе. Насовсем.

.....

Теперь у меня борода. Два сына. Ещё у меня есть мир. Только очень маленький. Мы разговариваем по интернету с моими друзьями из Бруклина, Иерусалима, Сургута и Москвы так же, как раньше - во дворе с мальчишками из соседнего подъезда. Я отчего-то немножко заговорил на идиш - "птичьим языке детства". А вот в детстве не говорил. Тогда не нужно было. Без слов - гладить по мохнатому загривку сказочное существо...

Теперь я большой. Мир маленький.

Вот мы с ним и поменялись.

Живём дальше. Светло. Потому что в мире - рассыпаны искры.

Если приглядеться - они каждому-каждому лапками махают и улыбаются. И мы - им в ответ. Давайте?

Только... У меня за шиворотом шевелится одна пронзительная льдинка. Я никак не могу забыть своё мохнатое существо.

Ода ночной кухне

Б-же мой, как хорошо! Солнце, бродившее весь день по тропинкам неба, устало соскользнуло в свою чёрно-синюю постель, расшитую жёлтыми мерцающими крапинами. В мир прокралась тишина. Спят во дворе машины, как странные железные звери, уронившие морды на лапы и еле слышно вздыхающие во сне. Спят на ветках птицы, с рассвета стрекотавшие свой взбалмошный необыкновенный концерт. Спят по чердакам кошки, укутав носы пушистыми хвостами. Спят и люди. И маленькие дети.

Не спят только собаки. Они бегают по ночному двору стаями и тихо бормочут.

Да, не спят только собаки. И я. Я курю, смотрю на живой, чуть дрожащий и медленно дышащий чёрно-синий мир в форточку. И медленно пью кофе – такой же как мир – чёрно-синий и загадочный. Время куда-то запропастилось. Оно – нет, вовсе не сбежало, и не остановилось – оно просто тихо-тихо отошло в сторонку и хитровато наблюдает за мной. А я за ним. И мурлычу песню.

*«...Гэндз ун качкэс,
Шоф ун риндэр
Кац ун мойз
Ун клэйне киндер
Лалкэс, хазэлэх ун бэрн
Музн балд айншлофн вэрн...»*

Это Шике-Овсей Дриз, волшебник из страны потаённых снов и сказок. Песенка зелёных портных, встречающих зелёную карету, в которой едет к нам волшебница Весна. Про то, что приходит ночь, и все-все - и кошки и мышки, и маленькие дети, и даже ёжики с медвежатами скоро должны уснуть. Мне нравится, как она звучит на идиш, поэтому я и сочинил для неё свою мелодию. И эта песня – такая же часть окружающего меня ночного кухонного мира, как и задумчиво дымящийся кофе, свет фонаря в старинном колпаке за окном, синие сгустки сигаретного дыма, с которыми, тихо смеясь играет ночной ветерок-мальчишка, гитара, которая тихо и чуть печально вздыхает отзвуками струн у стиральной машины. Это – мой мир. Это – неведомая никому, кроме меня, ночная кухонная жизнь.

И только собаки – ворчащие путешественники Вениамины третьи – когда луна восходит в зенит, догадываются о том, что на их спектакле есть зритель. И тогда они воют.

Это ничего. Это у них такие песни.

Ведь совсем без песен на земле жить нельзя.

Памяти искры. Не доиграли

Мне - четыре. Мы переезжаем из старой полукоммунальной двухэтажки в первый в городе 5-ти этажный дом. Меня - в резиновых сапогах до колен, красной болоневой куртке и сине-красной шапке с помпоном выставили во двор, чтоб не мешал вещи собирать. И вот я стою грустный и думаю: "А за домом - болота... И камыши растут... Мы всё время с ребятами боялись туда ходить. А теперь как же? Получается, больше никогда и не схожу... А там за болотом - какие-то, наверное, интересные страны... может, луга или лес.. а мы зачем-то отсюда переезжаем...

Не доиграли".

Не доиграли.

Когда деревья были большими

Зима. Декабрь. Мне 5 лет. Я выхожу вечером во двор. Со стороны - очень похож на неуклюжего медвежонка - в шубе, шарфе и меховой шапке-ушанке, завязанной под подбородком. Осторожно схожу (снег под валенками - хррруп, хррруп) по ступенькам крыльца. И - замороженно замираю.

Ёлка за горкой и катком. Уже с гирляндами. Мерцающая огнями-звёздами. Невероятно громадная. До неба. И - улыбающаяся (да-да, даже огромные ёлки, если у них светло и лучисто на душе, умеют улыбаться). Эта ёлка - как весёлый великан из самой любимой сказочной книжки с цветными картинками, что лежит у меня на полке в маленькой комнате. Ёлка - как хороший друг. Как добрый мальчишка Андрей Гончаров из второго подъезда, который этой осенью навсегда уехал в Киев. Ёлка - судьба.

А взрослые, проходя мимо - даже не замечают её.

Рэй Брэдбери устами младенца

2001 год. Солнечное июньское утро. Федор Ильич Верховский, пятилетний юноша, только-только научившийся читать по слогам, выходит с отцом на ханты-мансийскую площадь, направляясь в Аллею Сказок – покачаться на качелях, побегать по замысловатому лабиринту, поздороваться с деревянными гномами. На площади – огромный плакат ко Дню независимости России. С лаконичной и красочной надписью: «МЫ – РОССИЯНЕ!»....

Федор Ильич, на время забыв о прыжках и воплях, с минуту смотрит на плакат, складывая буквы в слова. Чуть слышно шевелит губами:

«Мы... Мыр... Мыро... Сиа... Сиане....».

И на всю площадь разносится торжествующий детский крик:

«Мы – марсиане! Папа! МЫ – МАРСИАНЕ!!!»

Холодно. Мир смутился белым. Минус сорок пять. За пятнадцать-двадцать утренних шагов воздух сгущается почти в молоко. Пешеходы, спешащие на работу, похожи на гномов-эскимосов и одновременно на озябших ёжиков. У них капюшоны, скрюченные ножки, и они ёжатся.

Когда холодно – нельзя дышать ртом. Надо вдыхать носом, а ртом выдыхать. И тогда – на бороде – гостями от Снежной Королевы – появляются льдинки. Нет, они не звенят. Припорошенные снегом, они восседают на бороде, как маленькие полупрозрачные сугробы. Или ледяные горы. Сибирские Аппалачи. Так и идём – льдинки в бороде и я. Курить на улице не то, чтобы нельзя, но и не совсем можно. То есть – не нужно. Поэтому – просто иду. Думаю какую-то льдиночную мысль, а она от меня всё время ускользает.

Тогда я вспоминаю хорошее. А оно – тёплое, и никуда не ускользает. Потому что оно – такое...

Перед тем, как зайти в тепло – надо поднести ладони к губам и семь раз подышать теплом. И тогда льдинки из бороды – убегают. Обратно к Снежной Королеве. Передать ей, что я бородатый Король-Лев, у которого в губах прячется семь тёплых ветров. От которых всё оттаивает. Представляете? И я оттаю. И вы оттаете. И мир оттаёт.

И на главную городскую площадь прольётся дождик. Из манго, ананасов и весёлых живых обезьянок.